

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская
«__» _____ 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ РОДНОГО И
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ЭЛЕКТРОННОМ
ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант _____ В. И. Сафронова

Научный руководитель _____ канд. филол. наук, доц.
Е. С. Мучкина

Красноярск 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ЭЛЕКТРОННОМ ДИСКУРСАХ.....	7
1.1. Философский подход к исследованию метафоры.....	7
1.2. Метафора и смежные понятия.....	17
1.3. Понятие метафоры в современной отечественной и зарубежной лингвистике и подходы к ее изучению.....	21
1.4. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития.....	31
1.5. Особенности профессионального лингвистического, художественного и электронного типов дискурса.....	36
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	44
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ЭЛЕКТРОННОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТИПАХ ДИСКУРСА.....	47
2.1. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS A TOOL.....	47
2.2. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS A SUBSTANCE.....	55
2.3. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING.....	64
2.4. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS FOOD.....	68
2.5. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS A PERSON.....	72
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	84
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	87
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	93

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено сопоставительному когнитивному исследованию метафор, которые моделируют образы иностранного и родного языков в английском и китайском профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах.

Актуальность настоящего исследования определяется вписанностью данной работы в одно из наиболее активно разрабатываемых направлений современного языкознания – когнитивного. При этом теория концептуальной метафоры и проблемы языковой репрезентации метафорических моделей и в мировой когнитивной лингвистике, и в российском языкознании занимают одно из ведущих мест по количеству посвященных им исследований. Актуальность данного исследования также обусловлена необходимостью с позиций когнитивной лингвистики описать метафорические модели, которые представляют собой языковые механизмы, структурирующие сферу-цель, т. е. родной и иностранный языки, через понятия и термины, связанные с различными сферами-источниками метафоры.

Объектом настоящего исследования являются метафорические модели, представляющие родной и иностранный языки в английских и китайских текстах, относящихся к профессиональному лингвистическому, художественному и электронному дискурсам.

Предметом исследования являются языковые словоупотребления, репрезентирующие метафорические модели родного и иностранного языков в английском и китайском профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах.

Целью данного исследования является изучение общих и специальных закономерностей метафорического моделирования родного и иностранного языков в английском и китайском профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. описать историю исследования метафоры как предмета философской мысли;
2. рассмотреть сходства и различия метафоры со сравнением и метонимией;
3. определить теоретическую базу и методики исследования концептуальной метафоры;
4. рассмотреть специфику метафорического моделирования;
5. рассмотреть особенности профессионального лингвистического, художественного и электронного типов дискурса;
6. отобрать языковой материал, репрезентирующий концептуальные метафоры родного и иностранного языков;
7. выделить доминантные метафорические модели;
8. провести сопоставительный анализ концептуальных метафор, моделирующих образы родного и иностранного языков в исследуемых типах дискурса.

В работе использованы как и общенаучные **методы** (наблюдение, сравнение, описание, классификация), так и собственно лингвистические методы. Основным методом исследования в нашей работе является когнитивно-дискурсивный анализ – это комплексный способ исследования, фиксирования и объяснения базовых когнитивных структур, включающий в себя другие методы: контекстуальный и дефиниционный анализы.

Практическая значимость работы заключается в использовании ее результатов при разработке и чтении курса лекций по когнитивной лингвистике и лексикологии английского и китайского языков, а также на занятиях по методике преподавания иностранных языков.

Материалом исследования послужили англоязычные монографии и статьи одних из самых цитируемых авторов в профессиональном лингвистическом дискурсе, научные статьи и монографии на китайском

языке. Исследование электронного и художественного дискурсов проводилось на базе корпусов английского (Corpus of Global Web-Based English, Corpus of Contemporary American English) и китайского (Chinese Internet Corpus, Lancaster Corpus of Mandarin Chinese, The Leipzig Wortschatz) языков. Источниками примеров для исследования электронного дискурса также послужили интернет-ресурсы Twitter, Reddit, Weibo (新浪微博). Методом сплошной выборки для анализа были отобраны 396 контекстов, в которые входили метафорические словоупотребления, описывающие иностранный и родной языки. Анализ проводился на материалах, датированных с 1990 по 2020 год.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. В конце каждой главы приводятся выводы.

Во **введении** аргументируется актуальность выбранной темы и практическая значимость работы; определяются предмет, объект, цель и задачи исследования.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования метафорического моделирования образов родного и иностранного языков в английском и китайском профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах» рассматривается история изучения метафоры, раскрывается понятие концептуальной метафоры и анализируются подходы к ее изучению, а также рассматриваются особенности каждого из исследуемых видов дискурса.

Во **второй главе** «Специфика языковой репрезентации метафорических моделей родного и иностранного языков в профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах» представляются основные выделенные метафорические модели родного и иностранного языков, рассматривается специфика языковой репрезентации в каждой из идентифицированной модели.

В **заключении** в обобщенной форме излагаются результаты исследования.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладе на международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2019). Также были опубликованы две научные статьи:

1. Сафронова В. И. Преподавание иностранного языка в контексте метафорического моделирования // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. Отв. ред. А. В. Курочкина. Уфа: изд-во Башкирского ун-та, 2019. С. 367–372.

2. Сафронова В. И. Метафорическое моделирование образа языка в контексте преподавания английского как иностранного // STUDENT. Москва: Электронная наука, 2020. Т. 3. №2. С. 494–501.

ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования метафорического моделирования образов родного и иностранного языков в английском и китайском профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах

1.1. Философский подход к исследованию метафоры

Тема метафоры занимает умы человечества еще со времен античной культуры. Метафора обсуждается в рамках философии, лингвистики, психологии, логики, литературоведения и целого ряда других областей знания.

Трудно определить, когда метафора впервые была выделена как отдельный феномен. Одно из первых упоминаний метафоры принадлежит Исократу, афинскому оратору, который рассматривал метафору как средство украшения поэтической речи, и ставил ее в один ряд со словами иностранного происхождения и неологизмами [Полозова, 2003].

Теория метафоры получила свое развитие благодаря риторике, науке об ораторском искусстве, возникшей в Древней Греции. Риторика главным образом фокусировалась на изучении художественных тропов [Ortony, 1993: 3]. Поэтому метафору долгое время рассматривали как средство воздействия на слушателя. Так, например, Аристотель понимал метафору как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 1983: 669]. Аристотель обратил внимание на логический механизм метафоры, который обуславливает ее способность выражать знания о мире. Им же было определено, что для некоторых соотносимых понятий не существует постоянного имени и оно выражается через метафорическую номинацию. Аристотель также отметил, что для переноса значения с одного предмета на другой нужно уметь находить сходные признаки в предметах. Иными словами, метафора позволяет представить один предмет, потому что мы замечаем его сходство с

другим предметом. Однако Аристотель рассматривал метафору только как риторическую фигуру, основанную на аналогии, в его представлении метафора не имела связи с контекстом, и ее смысл заключался только в переносе имени с объекта на объект.

Аристотель предложил свою классификацию имен, у которых есть переносное значение. Античный ученый считал, что все существующие слова разделяются на общеупотребительные, редкие, переносные, украшательные, сочиненные, удлиненные, укороченные и измененные. Фактически, он разделял слова на общеупотребительные и «другие». Группа всех «необычных» слов противопоставлялась общеупотребительным словам. Метафора попадала в группу «других». Общеупотребительные слова делают речь ясной, а слова других вышеперечисленных групп помогут сделать речь «не обыденной и не низкой». Чтобы показать, как меняется речь от употребления «редких» слов, Аристотель приводит пример двух стихов Эсхила и Еврипида. В стихе Эсхила используется общеупотребительное слово «снедает» (*esthie*) в предложении «снедает язва плоть ноги моей», а у Еврипида используется слово из группы «редких» слов: «смакует (*thoinatai*) язва плоть ноги моей» [Аристотель, 1983: 671].

Последователь философского учения Аристотеля, Квинтилиан определял метафору следующим образом: «Имя или глагол оттуда, где он был употреблен в своем прямом значении, переносится туда, где или отсутствует подлинное наименование, или переносное значение оказывается лучше прямого» [Квинтилиан, цит. по Фрейденберг, 1936: 218]. По мнению ученого метафора могла занимать либо свободное место, либо быть конкретнее и яснее того, что значения, которое она заменяет. Чтобы провести разницу между сравнением и метафорой Квинтилиан использует следующие примеры: если говорят, что человек сделал что-то «как лев» – то это сравнение, а когда говорят «он – лев» – то это метафора. В его версии метафора представлялась сокращенным или эллиптическим сравнением [Квинтилиан, цит. по Фрейденберг, 1936: 219].

Цицерон подобно Квинтилиану считал, что метафора является лишь украшением речи, и является менее достойным средством выражения мысли. Однако Цицерон писал, что метафору «породила необходимость» и метафорические выражения были введены из-за недостатка слов. По мнению философа метафоры используются человеком из-за «склонности человеческого ума перескакивать через то, что расположено у самых ног» или из-за того, что при употреблении метафоры можно описать одним словом и данный предмет, и связанный с ним сходством целый круг представлений. Также ученый замечает, что в природе нет предмета, имя которого нельзя было бы использовать для обозначения понятия из другой области. Несмотря на это, Цицерон множество раз призывал к сдержанности в употреблении метафор в речи [Цицерон, цит. по Фрейденберг, 1936: 216–218].

Деметрий Фалерский первым обратил внимание на значимость метафоры в повседневной речи. Он отмечал, что в обычной бытовой речи существует много метафор, настолько много, что можно перепутать их с буквальными выражениями. Многие из этих метафор утвердились в языке, заняв место буквального обозначения. Он считал, что метафоры должны исходить из области не слишком далекой от области обозначаемого предмета. Он так же впервые заметил, что, благодаря метафоре, некоторые вещи находят себе более точное и ясное выражение [Фрейденберг, 1936: 219–220].

Философско-семантическая теория метафоры другого античного философа, Гермогена, несколько отличается от теории, предложенной Аристотелем. Это единственный ученый античности, который «увидел уникальную структуру метафоры, представляющей собой действие, совершаемое не только на уровне слов, но и в области мыслей» [Полозова 2003; цит. по Зубкова, 2010]. Гермоген представил двухуровневую модель метафоры: на первом уровне используются языковые средства, а на втором их семантические значения. Таким образом, в теории Гермогена метафора является словом, объединяющим в себе два значения, а также идеей, в

которой соединяются смыслы двух предметов. Эта теория не получила развития вплоть до XX века, лишь тогда она стала значительной идеей в области когнитивной лингвистики [Полозова 2003; Зубкова, 2010].

В период Средневековья метафора и ряд других тропов занимали важное место среди универсалий, существующих в языке и духе. Метафора считалась важным тропом благодаря ее способности вызывать ассоциации сходства в душах (т.е. в психике) людей [Larochelle, 1999]. В средневековой науке метафора была признана чем-то правдоподобным и естественным для человеческого мышления, способом познания божественного. Отметим, что в эпоху Средневековья, как и в античности, метафору не отделяли от аналогии и сравнения [Зубкова, 2010].

До начала периода Просвещения, метафора рассматривалась как риторическая фигура. В период Возрождения была отмечена эффективность метафоры в процессе познания, т.е. считалось, что метафора позволяет достоверно выражать суждения о непосредственно воспринимаемой реальности. Психологическая функция метафоры, ее способность облегчать понимание упоминалась в отдельных работах. Однако под давлением средневековой формальной логики способность метафоры участвовать в процессе познания была поставлена под сомнение, и она вновь стала рассматриваться лишь в разделе теорий о художественной речи [Ермоленко, 2000].

В эпоху Возрождения существовали два противоположных взгляда на метафору, были выведены эстетическая, психологическая и познавательная функция метафоры. Однако затем ее значение было вновь сведено к тропу, используемому в художественной речи.

В философии Нового Времени метафора считалась недопустимой, поскольку она искажала буквальные смыслы. Т. Гоббс писал, что люди, употребляющие слова не в их первоначальном значении, совершают обман. Философ считал, что люди употребляют речь за тем, чтобы передать свои мысли, перевести их в слова, это делается для того, чтобы зарегистрировать

свой ход мыслей и поделиться ими с другими людьми, сообщать остальным свои знания и желания. Употребление слов в метафорическом значении Т. Гоббс называл «злоупотреблением речью», обманом других людей. Он считал, что человеческий разум проявляется через слова, «предварительно очищенные от всякой двусмысленности». «Рассуждение – есть шаг, рост знания – есть путь», однако рассуждение с помощью метафор и других слов с переносными значениями приводят к разногласию, смущению и презрению [Гоббс, 2017].

Британский философ Дж. Локк также как и Т. Гоббс полагал, что научные теории и метафора несовместимы, поскольку необходимо стремиться к точности, однозначности и определенности в языке. Он придерживался мнения, что использование метафоры противостоит естественности [Локк, 1985]. Подобные взгляды основываются на суждении о том, что метафора – это один из способов выражения значения, но менее удобный и эффективный по сравнению с употреблением слов в их прямом значении. Этот тезис объединял рационалистов, позитивистов, прагматистов, сторонников философии логического анализа и эмпирицистов. Таким образом, рамках этих направлений использование метафоры в научном дискурсе считалось недопустимым [Арутюнова, 1990]. Одним из главным аргументом против использования метафор в научном дискурсе, было убеждение о том, что слова научного языка должны находиться в однозначном отношении с фактами реального мира [Полозова, 2003; цит. по Зубкова, 2010].

В период романтизма взгляд философов на метафору снова изменился. В романтическом направлении считалось, что существование языка можно объяснить эмоциональными и поэтическими импульсами человека, в связи с этим метафора стала рассматриваться как нечто неизбежное, то есть как единственный способ выражения мысли и, вместе с ним, мышления. Метафору стали считать предпосылкой расширения горизонта человеческого бытия [Зубкова, 2010].

Ф. Ницше считал, что человеческое познание основано на метафорах в принципе, поскольку настоящей истины человек не может постичь никогда. Язык, по мнению философа, мог обозначать лишь личное отношение вещей к людям, и выражение этого отношения происходит через метафору. Каждое понятие, создаваемое человеком, отражает не единичное индивидуальное переживание, а отражает бесконечное количество случаев, более или менее подобных. Таким образом, истина – это иллюзия, набор метафор, которые стали привычными. И вера в истину налагает на человека обязательство употреблять обычные метафоры, т.е. обязательство «лгать согласно принятой условности». Метафора, в отличие от понятия, позволяет человеку более точно выразить свое понимание реальности. Метафорический характер человеческого познания проявляется в понятиях, которые являются стертыми «чувственно неосознаваемыми» метафорами [Ницше, 1979]. Иррационализм, в отличие от рационализма, считал все познание метафоричным и отрицал возможность существования истины [Арутюнова, 1990].

Философ Х. Ортега-и-Гассет также, как и Ф. Ницше, называл метафору необходимым орудием мышления, формой для научной мысли. В рамках философии ученый может создать новое понятие только с помощью метафоры, потому что совершенно новое слово будет бессмысленным для носителей языка. Ученый выбирает такое слово, значение которого сможет помочь людям постичь значение нового понятия. Однако существенная функция метафоры заключается не в наименовании, а в помощи мышлению. Использование метафоры для наименования новых и неизвестных явлений помогает не только сделать мысль доступной для других людей, она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен для нас. То есть метафоры – это важное орудие мышления. Разбираясь в причинах этого, Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что наше восприятие лучше улавливает изменчивое, чем постоянное [Ортега-и-Гассет, 1990].

Важной для развития исследования проблемы концептуальной метафоры стала теория Э. Кассирера. Его труд о символических формах в

человеческой культуре посвящен изучению этапа дологического мышления. Э. Кассирер считал, что для понимания феномена человеческого познания необходимо найти первичные формы представлений человека о мире, поскольку в человеческом языке выражаются как логические, так и мифологические формы мышления. Рефлексы мифологического мышления Кассирер видел в метафоре, метонимии и синекдохе [Cassirer 1923–1929; цит. по Артунюнова, 1990].

Э. Кассирер ссылается на И. Г. Гердера, говоря о мифологическом характере всех словесных и языковых понятий: «Поскольку вся природа звучит, для обладающего чувствами человека нет ничего более естественного, чем то, что она живет, говорит, действует» [Herder, 1877–1913; цит. по Кассирер, 1990]. Но вместе с тем ученый указывает и на противоположную позицию «сравнительной мифологии», представляемую А. Куном и М. Мюллером, которые считают, что в древности человек был вынужден говорить метафорически вследствие необходимости. Для человека было невозможно освоить окружающий мир без «этой базисной метафоры, этой универсальной мифологии, этого вдувания нашего собственного духа в хаос предметов и воссоздания его по нашему образу» [Müller, 1888; цит. по Кассирер, 1990].

Э. Кассирер представляет так же и свое определение понятия метафоры. С одной стороны, метафора – это сознательный перенос названия одного представления в другую сферу, на другое представление, схожее какой-либо чертой с первым. С другой стороны, существует так называемая базисная метафора, которая является не простым переносом, а преобразованием имени в другой род. При употреблении подобной метафоры происходит не переход в уже существующий разряд, а создание нового разряда. Э. Кассирер приходит к идее о том, что миф и язык взаимно обуславливают друг друга [Кассирер, 1990]. То есть происхождение языковой и «мифологической» метафоры едино, оно кроется в чувственном опыте, который лежит в основе языкового и мифологического символизма.

Благодаря Э. Кассиреру, отношение к метафоре вновь изменилось, появилась надежда на эвристические возможности метафоры. Тезис о неразрывной связи метафоры и мышления позволил оценить ее познавательную функцию. Было обращено внимание на моделирующую роль метафоры, поскольку она предопределяет способ и стиль мышления. Особо в этой роли важно значение ключевых или базисных метафор, которые способны задавать аналогии или ассоциации между разными системами понятий.

М. Блэк так же обозначил важность метафоры в философии. В статье посвященной метафоре, М. Блэк произвел анализ предложения *The chairman plowed through the discussion*, разбирая его как пример метафоры. Слово, используемое метафорически, философ называет фокусом (focus) метафоры, а его окружение (т.е. контекст) – рамкой (frame). М. Блэк заинтересован в условиях метафорического использования фокуса метафоры, иными словами, почему одна рамка дает метафорическое значение, а другая нет. Чтобы объяснить значение выбранного в качестве примера предложения, можно предположить, что метафорическое выражение или *M* является субститутумом для другого, буквального *L* (literal) выражения, которое выражало бы тот же смысл, если бы было употреблено вместо метафоры. Любая теория, которая считает метафору эквивалентом некоего буквального выражения является проявлением субституционального взгляда на метафору. Данный подход не может предоставить нам исчерпывающий и ясный ответ на вопрос почему и зачем люди используют метафору. Можно указать, что в языке просто отсутствует буквальный эквивалент, т. е. метафора помогает заполнять лакуны. Однако, множество метафор не могут быть объяснены данной необходимостью, поскольку их буквальный эквивалент уже существует. В таких случаях метафора объясняется стилистическими причинами, то есть авторы используют метафоры ради удовольствия читателя, ради украшения речи [Блэк, 1990].

Существует и другая точка зрения, способная указать на причину использования метафор. Если рассматривать значение метафорического выражения как трансформацию его изначального смысла, то любая фигура речи, которая основана на семантическом изменении возникает вследствие трансформации буквального значения. Соответственно, автор выражает не тот смысл m , который он имеет в виду, а некую его функцию $f(m)$, задачей читателя, таким образом, входит применение обратной функции f^{-1} , чтобы достичь $f^{-1}(f(m))$, т. е. m или буквального значения высказывания. Различные тропы задаются различными функциями. Тогда возникает вопрос о характере трансформирующей функции метафоры. Обычно считается, что таковой является аналогия или сходство. M по значению аналогично буквальному эквиваленту L или между ними существует некое сходство. Такое представление о метафоре соответствует сравнительному подходу к метафоре. Однако этот подход бессодержателен, поскольку метафора основывается не на уже известном сходстве между объектами. Напротив, метафора строит связь между M и L , поскольку без нее было бы сложно говорить о каком-либо сходстве между предметами [Блэк, 1990].

Этот феномен объясняется в рамках подхода, представляемого М. Блэком как подхода, лишенного недостатков, которыми обладали вышеописанные точки зрения – данную точку зрения он называет интеракционистской. М. Блэк опирается на идеи А. Ричардса: «Когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс, 1990]. Интеракционистскую точку зрения М. Блэк представляет следующими тезисами:

- 1) У метафорического суждения есть два субъекта – главный и вспомогательный.
- 2) Эти субъекты должны рассматриваться как системы (systems of things), а не как объекты (things).

3) Механизм метафоры действует на основе отношений между главным субъектом и системой «ассоциируемых импликаций», которые связаны со вспомогательным субъектом.

4) Импликации – это общепринятые ассоциации, связанные в сознании человека со вспомогательным субъектом. Однако в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации, которые устанавливает сам автор.

5) Метафора включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно относятся к вспомогательному субъекту. Тем самым метафора отбирает и организует определенные характеристики главного субъекта.

6) Метафора воздействует на значение слов, принадлежащих к той же системе.

7) Не существует правил относительно обязательности сдвигов значения, нет возможности объяснить почему одни метафоры проходят, а другие нет [Блэк, 1990].

Первый представленный тезис опровергает положения субституциональной точки зрения, а остальные предположения доказывают несостоятельность сравнительного подхода [Блэк, 1990].

В концепции метафоры М. Блэка можно четко отследить попытку автора рассмотреть метафору как процесс мыслительной деятельности. Отметим, что именно им был предложен термин «когнитивная метафора». Эта концепция включает в себя идеи схожие с теорией концептуальной метафоры, представленной Дж Лакоффом и М. Джонсоном. В истории изучения метафоры не раз прослеживаются идеи о том, насколько важную роль метафора играет в мыслительном процессе человека. Однако эти идеи не получили должного развития, и только в середине XX века общенаучное представление о метафоре значительно изменилось.

Прежде чем рассматривать различные взгляды на понятие «метафора», существующие в отечественной и зарубежной лингвистике, необходимо провести границы между смежными понятиями. Особенно важно

дифференцировать понятия «метафора» и «сравнение», поскольку вплоть до XX века метафора рассматривалась как сокращенное сравнение. Важно также и провести границу между понятиями метафоры и метонимии, поскольку оба эти явления считаются важными элементами процессов концептуализации и категоризации, однако обладают различными характеристиками.

1.2. Метафора и смежные понятия

Представление о метафоре как о сокращенном сравнении возникло и было развито еще в античной науке и продолжало доминировать долгое время. Ряд теорий признает принцип сходства (или аналогии) основополагающим для метафоры и сравнения. Однако многие исследователи признают необходимость различать метафору и сравнение, поскольку они, хоть и близки по своей сути и основаны на сравнении, не являются одним и тем же.

Н. Д. Арутюнова признает близость метафоры и сравнения, поскольку метафору часто создают, исключая компаративную связку из сравнения (*как, подобно, похоже, словно, будто* и т. п.). Тем не менее данные явления относятся к разным семантическим категориям. Для сравнения характерно свободное сочетание с различными предикатами, указывающими на те обстоятельства, которые побудили сравнение. Метафора же «лишена синтаксической подвижности, она не принимает ни аспектирующих, ни уточняющих, ни интенсифицирующих, ни обстоятельственных модификаторов» [Арутюнова, 1990]. Тогда как сравнение отражает сходство постоянное или переходящее, метафора в то же время выражает устойчивое подобие. Для преобразования сравнения в метафору необходимы не только формальные, но и смысловые изменения.

Г. Н. Складарская подробно рассматривает соотношение метафоры и сравнения. С точки зрения логики сравнение, в отличие от метафоры, не

создает нового и целостного информационного объекта, поэтому не стоит приравнивать его к метафоре. Сравнение нельзя причислить к тропам, оно не является семантической фигурой, потому что в нем нет отклонения от семантического кода – семантические компоненты сравнения не соединяются как это происходит в случае метафоры. Метафора включает в себя семантическую аномалию, а для сравнения это не характерно [Скляревская, 2017].

Сравнение и метафора структурно различаются. Сравнение является двучленом (субъект и основание сравнения между которыми возникает компаративная связка). Метафора же представляется как единое целое, несмотря на то что семантически она является двуплановой (субъект и объект метафоры). В связи с тем, что механизмы образования и структуры сравнения и метафора различаются, можно говорить о разнородности этих явлений [Скляревская, 2017].

О необходимости разделять метафору и сравнение писал и Дж. Серль: «Теории метафоры от Аристотеля до наших дней можно условно разделить на два типа. Теории сравнения утверждают, что метафорические высказывания связаны со сравнением или сходством двух, или более объектов, а теории семантического взаимодействия – что метафора связана с вербальной оппозицией или взаимодействием двух семантических смыслов – а именно, метафорически употребленного выражения и окружающего буквального контекста» [Серль, 1990]. Дж. Серль в доказательство несовпадения метафоры и сравнения приводит аргумент о том, что в процессе создания метафоры не обязательно участвуют два сравниваемых объекта. Как например, в выражении «Салли – ледышка» нет приравнивания всех качеств ледышек к Салли. Тот же самый вывод можно сделать, основываясь и на том, что отрицательные высказывания также могут быть метафоричными. Во фразе «Салли не ледышка» не требуется уточнять, о какой конкретно ледышке идет речь, поскольку для создания метафоры требуется лишь знание о главных характеристиках предмета, на которых

опирается утверждение сходства. Помимо этого, метафора может оставаться истинной, даже если признак сходства, на котором она была основана является ложным. Например, метафора «*Ричард – горилла*» с буквальным смыслом выражения «*Ричард – свиреп, злобен и склонен к насилию*» будет истиной, даже если мы знаем, что гориллы на самом деле не обладают такими качествами [Серль, 1990].

Помимо установления различий между терминами «метафора» и «сравнение», необходимо четко разграничить понятия метафоры и метонимии. Вопрос о дифференциации этих терминов продолжает оставаться спорным. В работах многих исследователей (Лакофф, Джонсон 2004; Падучева 2004; Kövecses 1998; Panther 2003; Ruis de Mendoza Ibáñez 2003; Ungerer, Schmid 1996 и др.) рассматриваются как общие, так и различные черты метафоры и метонимии.

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой метонимия определяется как художественный троп, основанный на переносе названия одного предмета на другой предмет, который находится в отношениях «смежности» с первым [Ахманова, 1966].

Метафора и метонимия являются очень важными для изучения феноменами в когнитивной лингвистике. В процессе изучения языковой категоризации, Дж. Лакофф рассматривает когнитивные явления, на которых основываются языковые категории, называя их идеализированными когнитивными моделями (ИКМ): пропозициональные структуры (фреймы), образ-схематические структуры, метафорические модели и метонимические модели. Метафорические модели позволяют осмысливать абстрактные концепты как более конкретные. Метонимические модели ответственны за перенос характеристик одного элемента структуры на всю структуру [Lakoff, 1987]. Оба процесса метонимизации и метафоризации ставят в ряд базовых когнитивных механизмов, обеспечивающих категоризацию и концептуализацию информации о предметах внешнего и внутреннего мира человека.

Исследование метонимии как когнитивного феномена получило развитие несколько позже, чем исследование метафоры, кроме того, в некоторых случаях метонимический перенос значения описывался исследователями как метафорический. Для метонимии особенно важен когнитивный процесс сдвига фокуса внимания, который происходит в сознании человека в момент концептуализации и вербализации каких-либо явлений. Е. В. Падучева описывает метонимию как когнитивный процесс следующим образом: «Метонимию обычно определяют как перенос по смежности. Понятие концептуальной структуры позволяет определить метонимический сдвиг иначе – как сдвиг фокуса внимания при концептуализации реальной ситуации; иначе говоря, как изменение соотношения между фигурой и фоном» [Падучева, 2004]. Такой сдвиг основан на ассоциативных связях, существующих в сознании говорящего, между явлениями, событиями, людьми, предметами. В результате сдвига фокус внимания перемещается по этой связи.

Главное различие между метафорой и метонимией заключается в том, что для метонимии главным является сдвиг фокуса внимания, а для метафоры – выявление общих признаков. В процессе метафоризации задействованы два ментальных пространства, две сферы; в процессе метонимизации участвует одна ментальная область, в рамках которой происходит смена фокуса внимания. Помимо этого, метонимия связана с принципом когнитивной экономии и с семантическим эллипсом [Козлова, 2011].

Метафора и метонимия также различаются на языковом уровне. Метафоры зачастую репрезентированы существительными, через ассоциативную связь с существительным может произойти метафоризация глагола. Например, в предложении «*море смеялось*» глагол «*смеяться*» употребляется метафорически на основе того, что море уподобляют человеку, который может смеяться, то есть через ассоциативную связь с существительным. Метонимия же может быть представлена как

существительными, так и глаголами. Например, в предложении *Mrs. Robinson rustled forward, effusive and kind* звук движения становится способом обозначения самого действия [Козлова, 2011].

Еще раз отметим, метонимия связана с близостью в отношении буквального значения слова, его образным аналогом и тем, что одна составляющая метонимической связи обозначает другую. Метафора же традиционно понималась через представление о «схожести» между буквальным и образным значением выражения. Однако, это не делает метафору «сокращенным сравнением», поскольку метафора и сравнение находятся в разных семантических категориях.

Рассмотрев смежные с понятием «метафора» термины, можно говорить о том, что взгляды на это понятие различаются и зависят от того, в рамках каких теорий оно исследуется. В связи с этим необходимо проанализировать понятие метафоры и существующие подходы к ее изучению.

1.3. Понятие метафоры в современной отечественной и зарубежной лингвистике и подходы к ее изучению

Мы можем утверждать, что учение Аристотеля повлияло на то, как метафора воспринималась научным сообществом. Вплоть до XX века метафора рассматривалась в рамках Аристотелевской традиции как сокращенное сравнение.

В настоящее время метафора в лингвистике рассматривается и как процесс, который создает новые смыслы, и как продукт, то есть уже готовое метафорическое значение. Современные ученые понимают метафору как связь между двумя понятиями как в речевом, так и в мыслительном плане. Такая связь возникает при замещении одного концепта другим при помощи субъективного, общепринятого или ситуативного содержания понятия. Другая точка зрения позволяет представить метафору как синтез «образных полей» [Маслова, 2007: 282].

На сегодняшний день можно выделить следующие подходы к рассмотрению термина «метафора»:

1) Стилистический. В рамках данного подхода метафора рассматривается как стилистическое средство или художественный прием.

2) Семантический. Метафора рассматривается как средство номинации, то есть перенос названия, из-за которого появляется омонимия. (В. Н. Телия).

3) Когнитивный. Данный подход позволяет рассматривать метафору как способ познания мира, когнитивное манипулирование «уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении» [Баранов, 1991: 184]. Такая метафора создает полисемию.

4) Согласно Н. Д. Арутюновой существует еще один тип метафор – «генерализующая метафора». Данная метафора является конечным результатом когнитивной метафоры, благодаря подобной метафоре возникает логическая полисемия [Маслова, 2007].

В рамках стилистического подхода метафора трактуется как стилистическая фигура, троп, основанный на переносе значения. Например, А. А. Реформатский рассматривает метафору в качестве переноса наименований, основанного на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движений [Реформатский, 2003: 77]. И. В. Арнольд также определяет метафору как перенос наименований, основанный на ассоциации сходства [Арнольд, 2006: 77].

О. С. Ахманова тоже рассматривает метафору как перенос, но не наименования, а значения, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле [Ахманова, 1966: 231].

И. Р. Гальперин считает, что метафора является соотношением двух значений: «предметно-логического значения и значения контекстуального, основанного на сходстве признаков двух понятий» [Гальперин, 1958: 125].

Определение В. В. Калмыковой основано на схожем представлении, в ее понимании метафора – явление, «возникшее в результате одновременной

реализации двух значений (номинативного и производного) одной лексической структуры при обязательном наличии общей лексической семы или двух значений из двух разных лексических структур на основе обязательного общего лексического признака» [Калмыкова, 2007: 83].

И. Р. Гальперин определяет метафору как стилистический прием, основанный на принципе отождествления двух предметов; перенос качеств с одного объекта на другой. Он отмечает, что еще со времен Древней Греции и Рима, термин «метафора» обширно применяется для обозначения процесса, при котором слова приобретают дополнительные значения. Например, такие слова как *to grasp, to get, to see* благодаря переносу качеств имеют дополнительное значение – *to understand*. Это дополнительное значение существовало в семантической структуре слов. И хотя производное значение изначально проявилось благодаря метафоре, оно не является стилистическим приемом, потому что метафора стала стертой [Гальперин, 2012].

Предположение о том, что метафора основана на сходстве двух соответствующих объектов И. Р. Гальперин называет ошибочным. Обозначение и выделение общей черты у двух объектов не делает их схожими. Например, рассмотрим следующую метафору: “*Dear Nature is the kindest Mother still*” (Дж. Байрон). Понятие *Mother* вызывает у нас ассоциации с такими действиями как кормить, ухаживать, заботиться и т.п., тогда как понятие *Nature* у нас таких ассоциаций не вызывает. Таким образом, метафорой выделяется не истинно существующая общая черта, она отождествляет два понятия, перенося признаки одного объекта (*Mother*) на другой (*Nature*) [Гальперин, 2012]. Поэтому И. Р. Гальперин определяет метафору как способность осознавать два лексических значения одновременно.

Из-за того, что метафора дает нам возможность понимать несколько лексических значений одновременно, она позволяет нам создавать образы. Образ – это чувственное восприятие абстрактного понятия, которое уже существует в уме. Чтобы создать образ необходимо перенести объект от

крайне абстрактного к чему-то конкретному. Как в примере с метафорой Mother – Nature, два понятия объединяются во взаимодействии их значений, но не уподобляются друг другу: через конкретный образ Mother, более абстрактное понятие Nature материализуется [Гальперин, 2012].

Образ создается метафорой на основе качества сходства, какой-то общности между буквальным и образным выражением.

Традиционно метафору можно объяснить как комбинацию из трех элементов: направление (tenor), средство выражения (vehicle), основание (ground) [Leech, 1969; цит. по Ungerer, Schmidt, 2006]. Обратимся к Рисунку 1.

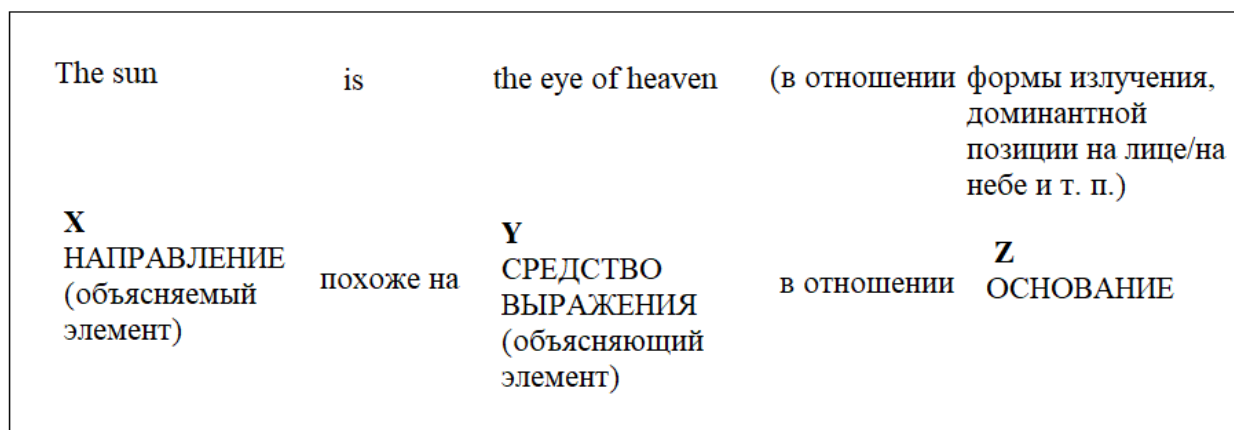

Рисунок 1. Традиционное понимание метафоры.

Отталкиваясь от этого убеждения о том, что метафора – это замена Y на X, А. А. Ричардс (1936) и М. Блэк (1949; 1962) определили интеракционистскую точку зрения на феномен метафоры. По их мнению, сущность метафоры заключалась в взаимодействии между метафорическим выражением и контекстов, в котором оно используется. М. Блэк отмечал, что метафора – это когнитивный инструмент, эта идея впоследствии была развита и стала основой для теории когнитивной метафоры.

Наиболее разработанная теория когнитивной метафоры, которая позволила привнести ясность и системность в описание метафоры как механизма мышления – это теория, представленная в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». В монографии ученых представлено следующее определение исследуемого понятия: «Суть

метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004].

Метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и рубрикации мира. Метафора проявляется не только непосредственно в языке, но и в наших мыслях и действиях. «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически» [Лакофф, Джонсон, 2004].

Подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и дал возможность рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. Согласно этой теории, процесс метафоризации представляет собой процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-цели. В ходе процесса метафоризации некоторые области сферы-цели структурируются подобно образам из сферы-источника, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение». То есть сфера-источник влияет на определение способа осмысления сферы-цели и может послужить основой для принятия решений и действий.

Для того, чтобы объяснить метафоричность концепта и то, как с его помощью структурируется наша повседневная деятельность, Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример концептуальной метафоры ARGUMENT IS WAR. Данная метафора представлена в языке в ряде выражений: “*Your claims are indefensible*”; “*He attacked every weak point in my argument*”; “*I’ve never won an argument with him*” и др [Лакофф, Джонсон, 2004]. Исследователи отмечают, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны, мы действительно выигрываем или проигрываем в споре, т. е. мы действительно размышляем о споре так же, как и о войне. Множество действий, связанных со спорами, структурированы согласно концепту ВОЙНА. Структура спора –

атака, защита, контратака – демонстрирует это. Спор и война остаются разными сущностями, но мы частично понимаем и говорим о споре в терминах концепта войны.

Выделяют три типа концептуальных метафор: структурные, ориентационные и онтологические.

Структурные концептуальные метафоры (такие как ARGUMENT IS WAR). Данный тип метафоры участвует в процессе концептуализации сложных и абстрактных объектов на основании более простых и специфических объектов. Подобные метафоры делают возможным структурирование понятия с помощью другого высокоструктурированного и четко выделенного понятия [Лакофф, Джонсон, 2004].

Ориентационные концептуальные метафоры (такие как HAPPY IS UP, SAD IS DOWN). Метафоры этого типа организуют систему концептов относительно другой системы. Название этого типа связано с тем, что большинство метафор этого типа связаны с ориентацией в пространстве: «вверх – вниз», «внутри – снаружи», «центр – периферия» и др. Ориентационные метафоры дают концепту пространственную ориентацию и обоснованы тем, что человек обладает телом и существует в материальном мире. Например, метафоры HAPPY IS UP и SAD IS DOWN представлены в английском языке такими выражениями как *“I’m feeling up today”*; *“You’re in high spirits”*; *“Thinking about her always gives me a lift”*; *“I’m feeling down”* [Лакофф, Джонсон, 2004].

Онтологические концептуальные метафоры (такие как THE MIND IS A BRITTLE OBJECT). Понимание нашего абстрактного опыта в терминах объектов материального мира позволяет нам ссылаться на них, относить к определенным категориям, группировать и определять их количество, в общем, размышлять о них. Онтологические метафоры связаны с осмыслением абстрактных объектов и опыта как частей материального, осязаемого мира. Опыт обращения с материальными объектами создает основу для большого спектра онтологических метафор. Например, метафора

THE MIND IS A BRITTLE OBJECT представляет наши душу и разум как некий хрупкий объект: “*Her ego is very fragile*”; “*You have to handle him with care since his wife’s death*”; “*He broke under cross-examination*”; “*She is easily crushed*”; “*The experience shattered him*”; “*I’m going to pieces*” [Лакофф, Джонсон, 2004].

За все время своего существования теория концептуальной метафоры подвергалась различной критике.

Одним из замечаний в сторону теории концептуальной метафоры была критика методов с помощью, которых исследователи выявляли концептуальные метафоры: считалось, что исследователи рассматривают свой собственный лексикон и словари, выявляя метафоры интуитивно. В связи с этим исследователи не анализируют «живую» речь реальных людей. Одним из ученых, кто ответил на эту критику был З. Ковечеш (Z. Kövecses). Он рассмотрел разные вопросы теории концептуальной метафоры, включая вопросы методологии, категориального уровня метафор, языковой репрезентации метафор, а также вопрос отношения метафоры и культуры. З. Ковечеш опровергает эти обвинения, аргументируя это тем, что метафора исследуется на трех различных уровнях (супериндивидуальный, индивидуальный, субиндивидуальный), где первый уровень соответствует рассмотрению метафорического выражения вне контекста, второй – рассмотрению конкретных метафорических выражений, которые использовали носители языка, третий уровень – рассмотрению культурной базы метафор [Kövecses, 2008].

Среди других замечаний было выдвинуто предположение о том, что теория концептуальной метафоры противоречит сама себе, когда указывает на то, что языковая репрезентация или воплощение (embodiment) метафор является одновременно и универсальной, и культурно-специфичной. З. Ковечеш отвечает, что репрезентация метафор не является однородной и неизменной, а зависит от говорящего. В связи с этим можно утверждать, что

абстрактные концепты воплощаются в языке по-разному, и могут быть как универсальны, так и культурно специфичны [Kövecses, 2008].

Концепт, который может стать частью метафорической модели, может быть представлен различными языковыми словоупотреблениями. С. Г. Воркачев отмечает, что концепт является «зонтиковым» термином. Сложные концепты, которые представляют многокомпонентные ментальные области, такие как например «долг» или «порядочность» имеют нежесткую структуру, в связи с чем их «структурное моделирование в принципе невозможно» [Стернин, 2000: 15, цит. по Воркачев, 2003]. Концепт всегда подлежит сопоставительному анализу, в котором будет проводиться внутриязыковое сравнение, где сопоставляются «облик» и функционирование концепта в различных дискурсах, а также межъязыковое, когда сравниваются концепты разных языков. Кроме того, важной характеристикой концепта будет являться количество языковых средств его реализации, что подтверждает его релевантность в рамках культурного сообщества [Воркачев, 2003].

Для всеобъемлющего понимания феномена концептуальной метафоры необходимо обозначить факт национально-культурной специфики метафоры. В рамках культурологического подхода язык понимается как способ вербальной репрезентации образов сознания, которые формируются на основе чувственного опыта. В связи с этим языковые факты необходимо рассматривать через «призму» культуры. Вполне естественно, что метафора тоже стала исследоваться в аспекте национальной специфики. Зачастую, национально-культурные ценности согласуются с системой метафор определенной культуры.

Понимание метафоры как когнитивного механизма, который делает возможным осмысление абстрактных объектов при помощи уже сформировавшегося знания о конкретных объектах, расширяет рамки языка. Говоря о когнитивной метафоре, можно рассматривать как языковые метафоры, так и паравербальные, предметные, художественные и

артефактные, представляющие собой важный культурный код. Такие метафоры появились раньше, чем словесные, и играли важнейшую роль в концептуальном освоении человеком реального мира [Берестнев, 2008; цит. по Козлова, 2015].

Национально-культурная специфика метафоры может по-разному проявляться в тексте. Важное значение имеют особенности коммуникативного стиля лингвокультурного сообщества. Например, для народов Ближнего Востока характерна особая эмоциональность и экспрессивность, поэтому для коммуникативного стиля представителей этих культур высокая степень метафоричности является нормой. В качестве подтверждения этому Л. А. Козлова (2015) приводит примеры из романа афганского писателя Х. Хоссейни «Тысяча сияющих солнц»: *«А ты ее зубы видел? Растут вкривь и вкось. Прямо надгробия на старом кладбище»*; *«По словам Наны, когда это случилось, все семейство Джалиля раздулось от возмущения. Весь воздух в городе в себя всосали. В Герате прямо нечем стало дышать»* [Хоссейни, 2013; цит. по Козлова, 2015]. Метафоры в данном романе чрезвычайно частотны. Многие образы ставшие сферами-источниками метафоры сохраняют национально-культурную специфику.

Национально-культурная специфика метафоры проявляется и через образы сознания, служащие сферой-источником метафоры, в которых запечатлены реалии культуры, образы сознания имеют свою национально-культурную специфику и отличаются в зависимости от культуры [Козлова, 2015]. Областью источником для метафоры могут служить названия животных и растений, климатические условия, атрибуты религии и культуры, предметы быта и другие реалии. Реалии культуры отражаются в метафорических образах, которыми пользуются представители этой культуры. Например, в английской лингвокультуре часто используют слово McJob, которое метафорически обозначает низкооплачиваемую, временную работу. Данный метафорический образ национально-культурно окрашен и является результатом концептуальной связи между двумя областями

сознания: фаст-фуд ресторана и нестабильной занятости в современных экономических условиях [Козлова, 2015].

Так же область цели метафоры, как и сфера источника, может быть культурно окрашена. Это происходит, потому что в разных культурах существует различие в тех областях, которые подвергаются метафоризации. Например, во французской культуре гастрономия играет очень важную роль, и представители французской культуры зачастую используют эту тематическую область и как сферу источник и как сферу цели. Так, английский писатель П. Мейл отмечает, что в меню французских ресторанов блюда могут быть описаны с помощью метафор: например, национальное блюдо из лягушачьих лапок носит метафорическое название «the Queen of our plates» [Mayle, 2002: 58].

Исследования концептуальных метафор в китайском языке и сопоставительный анализ выделенных метафор с метафорами в английском языке позволили понять, что эти два языка могут иметь общие концептуальные метафоры. Например, метафора ANGER IS HEAT существует и в китайском, и в английском. Однако, воплощение этой метафоры не соответствует полностью: тогда как в английском языке злость представляется как горячая жидкость, в китайском она представлена как нагретый воздух [Yu, 1998]. Например, 我心中有气 (У меня в сердце воздух/я сержусь) или 他脾气很爆 (У него воздух в селезенке трескается от жара/Он очень вспыльчивый). Основание для этой метафоры кроется в китайской культуре, философии инь и ян и теории пяти элементов в китайской медицине. Можно сделать вывод о том, что сфера-источник будет отличаться от культуры к культуре, хотя некоторые общие метафоры могут быть основаны на общем источнике и различаться в деталях [Wang; Wang; Xing, 2011].

Связь культурно-специфических ценностей и концептуальных метафор доказывает тот факт, что суждения противоположные общепринятым

ценностям не будут согласовываться с метафорами, что подтверждает статус метафоры как одного из самых базовых когнитивных механизмов.

В разных языках могут быть найдены общие или схожие концептуальные метафоры, но их языковая репрезентация может отличаться. Сфера-источник может полностью совпадать в двух языках, но может и различаться.

Для дальнейшего понимания концептуальной метафоры необходимо рассмотреть структуру метафорических моделей и механизм языковой репрезентации метафоры.

1.4. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития

Как было отмечено ранее, концептуальная метафора – это устойчивые соответствия между сферой источника и сферой целью, которые фиксируются в языке и в культуре. Например, к ключевым концептуальным метафорам западной культуры относятся такие метафоры как СПОР – ЭТО ВОЙНА, ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и др.

В когнитивной теории метафоры представлено изучение метафоры как проекции области источника на область цели, данная теория в основном основана на представлении двухкомпонентного процесса. Примеры концептуальных метафор, описываемые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их монографии имеют структуру ОБЛАСТЬ ЦЕЛИ – ЭТО ОБЛАСТЬ ИСТОЧНИКА [Лакофф, Джонсон, 2004].

Основной тезис когнитивной теории метафоры можно определить так: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain), в процессе метафоризации происходит метафорическая проекция (metaphorical mapping), в результате которой некоторые области цели структурируются по образу сферы источника [Баранов, 2014].

В рамках когнитивной теории метафоры пока нет конкретного объяснения того, как происходит сам процесс взаимодействия когнитивной области источника и области цели в ходе метафоризации. Сфера источника и сфера цели различны в плане направления метафоризации. Кроме того, сфера источника существует в области более конкретного знания, получаемого человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Сфера цели – это, напротив, менее конкретное, менее определенное знание. «Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff, 1993].

Эта идея была описана в тезисе об «однонаправленности метафорической проекции». Однако в дальнейшем этот тезис был подвергнут критике. Были найдены противоречащие примеры. Например, в русском политическом дискурсе существует концептуализация политика как члена семьи (например, метафоризация Ленина как БАТЮШКИ, ДЕДУШКИ), которая не отвечает тезису об «однонаправленности», поскольку область цели в этих случаях трудно считать менее конкретной сущностью, чем область источника [Баранов, 2014].

Такие случаи являются доказательством того, что метафора участвует не столько в прояснении неясной смысловой области, а скорее об ее изменении, о ее переструктурировании. Однако в целом следует признать верным, что для большинства когнитивных метафор характерен принцип «однонаправленности». Этот тезис отражает одну из важнейших функций метафоры – когнитивную.

Стоит так же заметить, что не все концептуальные метафоры направлены на абстрактные неясные концепты. Помимо концептуальных метафор, где сферу-источник представляет специфичный концепт, как например, СПОР – ЭТО ВОЙНА, существуют метафоры, основанные и на более общих концептах базового уровня, например, ИДЕИ – ЭТО ОБЪЕКТЫ.

Наши знания о предметах как об объектах физического мира являются основой для этой базовой метафоры (*generic metaphor*), мы знаем, что любой предмет можно приобрести, потерять, отдать или оставить себе. И поскольку эти знания хорошо нам знакомы, они очень часто становятся источником метафорической проекции.

Множество метафорических соответствий устанавливается между конкретным специфичным концептом-источником (базового или суперординатного уровня) и концептом-целью, данное явление можно назвать сильной проекцией (*rich mapping*). Однако, иногда концепт-источник и концепт-цель связаны лишь одной общей чертой. Например, в предложении «Джон – свинья» метафорическое соответствие прослеживается лишь в одном общем качестве «грязь» [Ruiz de Mendoza Ibanez, 2000; цит. по Ungerer, Schmidt, 2006]. В таком случае, можно говорить о слабой метафорической проекции (*lean mapping*), которая работает, поскольку оба концепта достаточно конкретны и метафорическое соответствие используется лишь для выделения одного или нескольких определенных аспектов. Литературный прием олицетворение относится к подобным концептуальным метафорам со слабой проекцией [Ungerer, Schmidt, 2006].

Обратимся к Рисунку 2., где представлена диаграмма метафорической проекции. На диаграмме показано, что метафора устанавливает концептуальную связь между сферой-источником и сферой-целью. Специфичные базовые метафоры могут предоставлять основу как для абстрактных, так и для более конкретных концептов-целей. Метафоры со слабой проекцией, как например, «Джон – свинья» ограничены до одной или нескольких метафорических связей. А более сложные абстрактные концепты представлены через множество метафорических связей, таким образом, мы видим, что для репрезентации более сложных абстрактных идей используется множество аспектов и качеств более простых конкретных концептов [Ungerer, Schmidt, 2006].

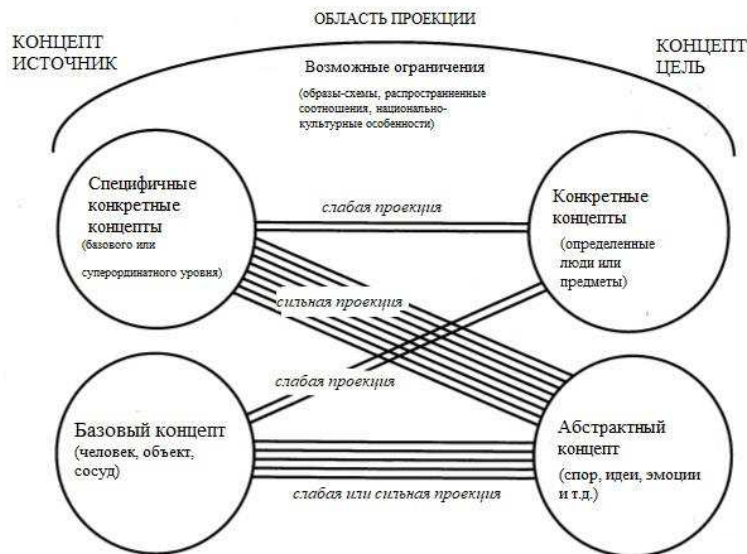

Рисунок 2. Метафорическая проекция.

Одним из направлений когнитивной теории метафоры является дескрипторная теория. Эта теория предлагает формализацию метафоры для описания большого корпуса текстов, содержащих контексты использования метафор, что подходит для исследования совокупности метафор определенного дискурса, а не для анализа отдельно отобранных примеров [Баранов, 2004].

В рамках этой теории представлен особый вариант понятия «метафорическая модель», который по своему содержанию не совпадает с понятиями других теорий когнитивной метафоры. Метафорическая проекция в рамках этой теории представляется как функция отображения элементов области источника и области цели, источник в терминологии А. Н. Баранова называется областью отправления функции отображения, а цель – областью прибытия. В результате между источником и целью устанавливается соответствие, стабильность которого может варьироваться. Наименее стабильными являются творческие метафоры, устойчивыми являются базовые или «стертые» метафоры. Когда элементы области цели структурированы, то отношения между элементами области отправления и области прибытия становятся взаимно-однозначными [Баранов, 2014].

Дескрипторная теория метафоры рассматривает метафору как множество связей сигнификативных и денотативных дескрипторов. Область источника представлена языковой совокупностью усвоенных знаний (сигнификативных дескрипторов), т. е. словами и словосочетаниями, отражающими опыт взаимодействия с окружающей действительностью; денотативные дескрипторы обслуживают область цели, т. е. представляют собой набор слов и словосочетаний, описывающих ту сферу, к которой происходит приложение сигнификативных дескрипторов в процессе метафоризации [Баранов, 2014].

М-модель, описанная в дескрипторной теории метафоры, отражает языковую сторону функционирования метафоры, поэтому подобный вариант М-модели можно называть «языковой метафорической моделью» [Баранов, 2004].

В естественной речи значительная часть метафор реализуются вместе, то есть одно метафорическое употребление содержит в себе несколько метафорических моделей. Например, в предложении <...> *для становления полнокровного рыночного механизма потребуется целый ряд лет* задействована метафора, объединяющая М-модель ОРГАНИЗМА и МЕХАНИЗМА [Баранов, 2003].

В рамках дескрипторной теории метафоры А. Н. Баранов исследует политический дискурс, интерес к этому дискурсу вполне логичен, поскольку речь политика должна иметь большую силу убеждения, в связи с чем в политическом дискурсе зачастую используются метафорические образы.

А. П. Чудинов отмечает, что метафорические модели должны исследоваться в связи с дискурсом и с учетом всех факторов, участвующих в их возникновении и функционировании. Ученый определяет метафорическую модель как существующую и/или складывающуюся схему связи между концептуальными сферами. Эту схему можно представить формулой $X - \text{это } Y$, причем связь между X и Y понимается не как полное соответствие, а как подобие, то есть X подобен Y . Система фреймов

ментальной сферы-источника становится основой для моделирования сферы-цели (сферы-магнита в терминологии А. П. Чудинова) [Чудинов, 2003]. Понимание метафорической модели в исследованиях А. П. Чудинова является тождественным понятию метафора в монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В связи с этим, в нашем исследовании мы будем относиться к этим понятиям как к взаимозаменяемым.

Прежде чем переходить к рассмотрению метафорических моделей в лингвистических, художественных и электронных текстах, необходимо обратить внимание на само определение понятия «дискурс», специфику профессионального лингвистического, художественного и электронного дискурсов, а также место метафоры в профессиональном лингвистическом дискурсе как научном.

1.5. Особенности профессионального лингвистического, художественного и электронного типов дискурса

Поскольку наше исследование посвящено исследованию метафорических моделей образов иностранного и родного языка в профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах, необходимо рассмотреть понятие дискурса в современной отечественной и зарубежной лингвистике.

Однозначное и универсальное определение термину «дискурс» сложно обнаружить, поскольку этот термин используется в различных областях гуманитарного знания, что приводит к появлению различных подходов к его изучению и пониманию.

Различные значения, в которых употреблялся термин «дискурс» были зафиксированы в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой, среди них: «1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по

смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева, 1978: 467].

Одно из самых актуальных определений термина «дискурс» принадлежит Т. А. ван Дейку: «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Ван Дейк, 1989: 7].

М. Стаббс называет основными характеристиками дискурса его размер (дискурс – это большие языковые образования), то, что он используется в социальном контексте, и то, что он интерактивен по своей сути [Stubbs, 1983: 1]. Говоря об этом определении, В. И. Карасик замечает, что большой объем дискурса обязывает к анализу окружающего социального контекста [Карасик, 2004].

Рассматривая определения дискурса, представленные как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, В. Е. Чернявская выделяет среди них два основных типа: 1) определенное коммуникативное событие, которое фиксируется в письменной и устной речи, и осуществляется в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, и 2) совокупность тематически соотнесенных текстов [Чернявская, 2001: 14, 16]. В. И. Карасик связывает первое определение непосредственно с термином «дискурс», а второе с понятием «тип дискурса» [Карасик, 2004: 191].

Ю. С. Степанов раскрывает понятие «дискурс» как язык «представленный в виде особой социальной данности». «Дискурс существует, прежде всего, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [Степанов, 1995: 36]. То есть дискурс реализуется в текстах, которые создаются в особых коммуникативных условиях.

Следовательно, одной из самых актуальных задач в области дискурсивного анализа становится типология и классификация дискурсов.

Основываясь на социологических критериях, влияющих на дискурс, В. И. Карасик разработал одну из классификаций типов дискурса. На основании типа дискурсивной обстановки, дистанции между участниками общения и статусно-ролевых характеристик участников В. И. Карасик выделяет два типа дискурса: личностно-ориентированный и статусно-ориентированный (институциональный) [Карасик, 2004].

Институциональный дискурс является специализированным и поэтому этот тип дискурса более ограничен в отличие от личностно-ориентированного дискурса. Личностное общение зачастую представлено бытовым общением, но оно может быть и бытийным. Поскольку любое общение носит многомерный характер, нельзя говорить о полном отсутствии личностного аспекта в институциональном общении [Карасик, 2004].

Институциональный дискурс – это общение двух или более участников, принадлежащих одному институту, включая общение как статусно неравных участников (например, преподаватель и студент), так и общение между участниками одного статуса. Участники, которые имеют активную роль в институциональном дискурсе называются агентами. Участники, которые являются «потребителями» дискурса – это клиенты [Карасик, 2004].

Представление «агент – клиент» в научном дискурсе работает несколько по-другому. Участниками научного дискурса являются исследователи, представители научного сообщества. Особенность научного дискурса как институционального проявляется в том, что все участники равны, поскольку никто из исследователей не может утверждать о своей безоговорочной истине. В рамках научного дискурса необходимо критично относиться как к своим, так и к чужим высказываниям. Кроме того, все участники научного дискурса должны иметь определенный уровень подготовки, степень научной квалификации. Ученые как агенты научного дискурса имеют несколько ролей: ученый-преподаватель, ученый-

исследователь, ученый-эксперт. Клиенты научного дискурса – другие ученые-исследователи, студенты, а также люди, заинтересованные научными достижениями, которые, например, читают научные журналы [Карасик, 2004].

Е. В. Кравцова замечает, что принцип статусного равноправия участников должен сохраняться во всех проявлениях научного дискурса, в противном случае произойдет «наложение на научный дискурс характеристик дискурса другого вида», что помешает принадлежности текста к научному дискурсу [Кравцова, 2012].

Цель научного общения – получение новых знаний о проблеме, явлении. Главными принципами научного дискурса являются беспристрастность в поисках истины, точность формулировок, ясность мышления. В связи с этим, для научного дискурса характерна информативность, точность, объективность.

Несмотря на это, в научном дискурсе допустим «интуитивный, схватываемый фантазией, творческий компонент» [Микешина, 2005]. Особенно подчеркивается роль метафоры в научном дискурсе, причем не только в гуманитарных науках, но и в естествознании, и в математике. Например, один из самых основных терминов в физике «сила» появился еще в античные времена прошел весь путь до современной физики, все время оставаясь метафорой, так и не получив строгого научного определения [Микешина, 2005].

Метафора как способ фиксирования научного знания представлена в работах (Г. С. Баранова, С. С. Гусева, Г. Г. Кулиева, З. И. Резановой, Н. А. Мишанкиной, В. В. Петрова и др.). Метафоры участвуют в фиксации научного знания путем номинации, «с одной стороны, снимают прежние ограничения на формы описания исследуемой области, а с другой – заменяют возникшую “размытость” отображения объектов некоторой гипотетической определенностью, приписывая объектам данной области ранее не выявленные свойства» [Гусев, 1984; цит. по Карташова, 2013].

Научный дискурс существует в разных областях знания и будет обладать свойственными им характеристиками. Возможно выделять и проводить границы между научным математическим дискурсом, научным биологическим, научным физическим и другими. Соответственно, возможно выделить и научный лингвистический дискурс. Лингвистический дискурс «отвечает потребностям лингвистики как отдельной дисциплины и таких смежных наук, как психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика и т.д., и обслуживает сферу поиска, исследования и доказательства истинности тех или иных лингвистических феноменов» [Журавлева, 2010].

Среди общих характеристик лингвистического дискурса возможно выделить по основным параметрам институционального дискурса. Агенты научного лингвистического дискурса – это квалифицированные лингвисты (исследователи и педагоги), филологи, специалисты в области переводоведения активно занятые научной деятельностью в сфере языкознания. Клиенты научного лингвистического дискурса – люди, изучающие родной или иностранные языки в высших учебных заведениях. Кроме того, и сами агенты-исследователи являются клиентами научного лингвистического дискурса, поскольку изучают научные труды и ссылаются на других авторов исследователей.

Целью научного лингвистического дискурса является «процесс вывода нового знания о языковых явлениях, их категориях и признаках и выявления новых способов их исследования» [Журавлева, 2010].

В нашем исследовании научный лингвистический дискурс будет обозначаться как профессиональный дискурс. Профессиональный дискурс – это институциональное общение людей, которые прошли специальную подготовку для выполнения определенной трудовой деятельности [Бейлинсон, 2010]. Поскольку агентами научного лингвистического дискурса являются квалифицированные специалисты в сфере языка, то возможно говорить о профессиональном лингвистическом дискурсе.

Перейдем к рассмотрению художественного дискурса как отдельного типа дискурса. Согласно Т. А. ван Дейку, художественная литература не должна восприниматься как определенный набор различных дискурсов, ее следует рассматривать основываясь на различных аспектах коммуникации [Dijk, 1979].

Целью художественного дискурса является воздействие на читателя, влияя на его систему ценностей и вызывая духовную рефлексиию [Галеева, 1999]. Взаимодействие между автором и читателем является одним из отличительных признаков художественного дискурса. Читатель как клиент художественного дискурса может начать отождествлять себя с автором или персонажем произведения, в связи с чем мир художественного произведения может начать восприниматься как реальный [Гуляева, 2009].

Одним из самых важных качеств художественного дискурса Ю. М. Лотман называет актуализацию личности человека вкупе со всеми культурными ценностями [Лотман, 2015].

Среди других важных особенностей художественного дискурса выделяется его наполненность прецедентными феноменами, которые обладают национально-культурной спецификой. Прецедентные феномены способны передать познавательные и эмоционально-оценочные аспекты повествования, а также стать носителем знаний определенной культуры [Дятченко, Назарова, 2018].

Электронный дискурс является результатом появления нового вида коммуникации – Интернета. Этот тип дискурса наделяют различными названиями, среди них: компьютерный дискурс, интернет-дискурс и электронный дискурс. По большей части данные понятия являются тождественными, поскольку все относится к коммуникации посредством глобальной сети Интернет. Однако, наиболее часто используется термин «электронный дискурс». В отечественной лингвистике электронный дискурс представляют как «многожанровую функциональную разновидность

публичной монологической и диалогической речи», которая реализуется посредством межличностной коммуникации в Интернете [Галичкина, 2001].

Электронный дискурс обладает признаками многих других типов дискурса: иллюкутивность, дистантность, анонимность, практическая непосредственность, гипертекстуальность и мультимедийность (или ее возможность), а также устно-письменный характер коммуникации [Кутузов, 2006]. Помимо этого, другими исследователями выделяются также глобальность, виртуальность, интерактивность [Михайлов, 2004].

Электронный дискурс существует в различных жанрах коммуникации, которые определяются ситуацией, в которой человек использует Интернет. Д. Кристал выделяет следующие ситуации, в которых человек использует Интернет:

1) Электронная почта. Электронное письмо создается в различных коммуникативных условиях, в связи с чем его контекст бывает разнообразным. Стиль и объем писем также может сильно различаться.

2) Интернет-чаты. Общение в чатах может происходить в реальном времени (синхронно) либо с некоторой задержкой (асинхронно). Чаты могут быть как локальными, так и международными, с участниками из различных стран. В чатах могут присутствовать модераторы, которые контролируют общение, другие чаты существуют без мер регулирования.

3) Виртуальные миры. Специальные домены с большим количеством пользователей, существующие для ролевых игр, в которых общение происходит в письменном формате.

4) Тексты Всемирной сети (WWW). Интернет включает в себя коллекцию текстов на различные тематики и написанные с различными целями [Crystal, 2001]. Цель электронного дискурса будет зависеть от жанра коммуникации в Интернете, а также от личных коммуникативных целей участника общения.

Рассмотрим подробнее характеристики веб-текстов. В большей части электронный дискурс представлен письменной речью, хотя устная речь тоже

является элементом электронного дискурса. В электронном дискурсе большая часть письменного текста представлена как «прерванный линейный текст» (interrupted linear text). Подобный текст является одномерным потоком речи, но он все еще создается по правилам письменной речи, которые помогают достичь ясности (например разделение слов пробелами). В интернете существуют также нелинейные тексты, которые могут читаться вне определенной последовательности, однако линейный текст все же является доминирующим в электронном дискурсе [Crystal, 2001].

Учитывая различные характеристики исследуемых типов дискурса, можно говорить о их специфике в отношении возможных метафорических моделей. Для профессионального лингвистического дискурса как научного возможно будет выделить метафорические модели фиксирующие знания о родном и иностранном языках.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

- Интерес к метафоре зародился еще во времена античной науки и остается активным до сих пор. Теория метафоры получила свое развитие во многом благодаря риторике. Взгляды Аристотеля на феномен метафоры повлияли на то, как она рассматривалась в европейской лингвистической традиции вплоть до XX века. И только позже, ближе ко второй половине двадцатого столетия фокус сместился на когнитивный функционал метафоры и ее роль в когнитивном процессе.

- Важно различать метафору и смежные с ней понятия, а именно сравнение и метонимию. Представление о метафоре как о сокращенном сравнении долгое время доминировало в научных исследованиях, но позже важность различия этих явлений была обоснована в научных трудах. Было выявлено, что метафора и сравнение имеют разную семантическую структуру, а также в основе их образования заложены разные механизмы. Также важно различать метафору и метонимию. Оба процесса являются важными когнитивными механизмами для концептуализации и категоризации знаний. Различие между ними заключается в том, что метафора основана на выявлении общих признаков, а метонимия – на смене фокуса и переносе качеств элемента множества на все множество.

- Среди современных подходов к изучению метафоры выделяют стилистический, семантический и когнитивный. В рамках доминирующего когнитивного подхода метафора понимается как основная когнитивная операция, основанная на установлении метафорической связи между концептуальными структурами. Процесс метафоризации позволяет структурировать образы из сферы-цели подобно образам сферы-источника.

- Выделяется три типа концептуальных метафор: структурные, ориентационные, онтологические. Структурные метафоры являются частью процесса концептуализации сложных и абстрактных концептов на основании более простых и специфичных концептов. Ориентационные метафоры

позволяют организовать систему концептов согласно структуре другой системы, большая часть метафор этого типа связаны с ориентацией в пространстве. Онтологические метафоры основаны на опыте взаимодействия с объектами материального мира и позволяют рассматривать абстрактные концепты как осязаемые объекты, присваивая им соответствующие свойства.

- Репрезентация метафорической модели обладает национально-культурной спецификой, хотя в разных языках и культурах возможно выделение общих или схожих метафорических моделей. Сфера-источник метафоры – это образы сознания, неразрывно связанные с культурными реалиями. Сфера-цель метафоры также может быть культурно окрашена, поскольку существует различие в областях, которые подвергаются метафоризации от культуры к культуре. Кроме того, национально-культурная специфика метафорических моделей обуславливает и тот факт, что метафоры всегда согласованы с системой ценностей культуры.

- Дискурс понимается нами как коммуникативное явление, которое включает в себя текст и экстралингвистические факторы, необходимые для его понимания. Совокупность текстов, созданных при специфических коммуникативных условиях, можно понимать как тип дискурса.

- В рамках настоящего исследования были рассмотрены три типа дискурса: профессиональный лингвистический, художественный и электронный. Лингвистический дискурс является научным дискурсом, который отвечает потребностям лингвистики как отдельной дисциплины, а также потребностям смежных наук (психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики и др.). Цель лингвистического дискурса – это вывод новых знаний о различных языковых явлениях. В контексте исследования метафорических моделей родного и иностранного языков лингвистический дискурс можно понимать как профессиональный, то есть как институциональное общение специалистов в сфере языка. Художественный дискурс является самостоятельным видом дискурса, хотя может иметь черты характерные для других типов дискурса. Цель

художественного дискурса заключается в воздействии на читателя и его систему ценностей. Электронный дискурс является результатом способа коммуникации посредством сети Интернет, он может обладать признаками других типов дискурса, но для него также характерны анонимность, гипертекстуальность, дистантность, глобальность и виртуальность.

ГЛАВА 2. Специфика языковой репрезентации метафорических моделей родного и иностранного языков в профессиональном лингвистическом, электронном и художественном типах дискурса

2.1. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS A TOOL

Данное исследование было направлено на выявление метафорических моделей родного и иностранного языков в профессиональном (лингвистическом), художественном и электронном дискурсах и выполнено на материале английского и китайского языков. В результате анализа языкового материала было выявлено 5 метафорических моделей: LANGUAGE IS A TOOL, LANGUAGE IS A SUBSTANCE, LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING, LANGUAGE IS FOOD, LANGUAGE IS A PERSON.

Наиболее частотной из выделенных нами метафор является метафорическая модель LANGUAGE IS A TOOL. Сфера источник TOOL была определена в 171 из анализируемых контекстов. Данная метафора более популярна в профессиональном дискурсе, но регулярно встречается и в непрофессиональном контексте.

Данная метафора основана на связи сферы-цели LANGUAGE с сферой-источником TOOL. Данная сфера-источник представляет язык как орудие, инструмент, который можно использовать для достижения определенной цели. Рассмотрим определение слова *tool* в Cambridge Dictionary:

- 1) a piece of equipment that you use with your hands to make or repair something;
- 2) something that helps you to do a particular activity [Cambridge Dictionary].

Метафора LANGUAGE IS A TOOL репрезентируется только с помощью лексических средств. В английском языке она может быть

представлена следующими языковыми употреблениями: *to use language, ways of using language, use of language, language users* (33); *language function, function of language* (21); *language is designed, language design* (15); *structure of language* (10); *capacity for language, capacity of language* (9); *language work, language works* (8); *unit of language, language item* (7); *experience of the language* (6); *language task* (3); *language-using abilities* (3); *technicalities of language* (3); *operationally relevant language* (2); *language as an instrument* (1); *high level practitioners of their language* (1).

В китайском профессиональном и электронном дискурсах данная метафорическая модель также является частотной. Она выражается с помощью таким языковых употреблений как: 用语言 (*yòng yǔyán*), 用的语言 (*yòng de yǔyán*), 语言使用者 (*yǔyán shǐyòng zhě*), 言语的使用 (*yǔyán de shǐyòng*), 使用语言 (*shǐyòng yǔyán*), 语言的使用方式 (*yǔyán de shǐyòng fāngshì*), 运用语言 (*yùnyòng yǔyán*) (23); 语言功能 (*yǔyán gōngnéng*), 语言能力 (*yǔyán nénglì*), 说话技巧 (*shuōhuà jìqiǎo*) (12); 语言手段 (*yǔyán shǒuduàn*) (6); 语言单位 (*yǔyán dānwèi*) (5); 交际工具 (*jiāojì gōngjù*), 思维工具 (*sīwéi gōngjù*) (3).

Как в непрофессиональном, так и в лингвистическом дискурсах как о родном, так и о иностранном языке говорится как о чем-то, что можно использовать (*use*).

“So, for instance, classroom teaching articulates **together particular ways of using language** (on the part of both teachers and learners) with the social relations of the classroom, the structuring and use of the classroom as a physical space, and so forth” (N. Fairclough. *Analysing discourse*).

“It isn't whether they **use language** that has been used in religious settings.” (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском языке также прослеживается употребление глагола «использовать» (用 *yòng*) по отношению к родному и иностранному языку. Данное словоупотребление встречается во всех исследуемых видах дискурса.

«也许今天夜里我在梦里也用英语说话了» (Chinese Internet Corpus).

«Возможно сегодня ночью во сне я говорил, используя английский язык.»

Глагол 用 в китайском языке очень распространен и обладает большим количеством значений, включая: 1) применять, использовать, употреблять; 2) расходовать, тратить, потреблять (в значении есть, пить, курить); 3) назначить на должность, нанять; 4) управлять [新华字典]. В связи с этим, необходимо рассматривать также примеры, которые используют лексему с более узким значением – 使用 shǐyòng.

«同一语言的不同群体对言语的使用也是有差别的» (周玉琨, 2002).

«Разные группы носителей одного языка используют язык по-разному.»

Также в электронном и профессиональном дискурсах было отмечено употребление лексемы 运用 yùnyòng (применять) по отношению к языку. В китайском языке термин 语言运用 yǔyán yùnyòng в профессиональном дискурсе используется в сфере изучения прагматики языка. В электронном и художественном дискурсе 运用 используется наравне с 使用.

«正确运用语言的重要性?» (Lancaster Corpus of Mandarin Chinese).

«В чем важность правильного использования языка?»

Люди являются пользователями языка (*users of language, language users*).

“Even children who are born deaf (and do not develop speech) become fluent sign language users, given appropriate circumstances, very early in life” (G. Yule. The Study of Language).

“Of course it's not a mistake if done knowingly by any language user” (Reddit).

В китайском языке человек также является пользователем языка (语言使用者 yǔyán shǐyòng zhě), что отражено в профессиональном дискурсе.

«其中, “规约” 指的是规约隐喻, 即, 那些自产生以来已为相当一部分语言使用者所认可和接受...» (杨润陆, 2004).

«В том числе «соглашение» относится к согласованным метафорам, то есть к тем, которые были признаны и приняты значительной частью носителей (пользователей) языка...»

Можно отметить, что часто говорится об использовании некой «части» языка (*something I learned; unit of language; language item*), так и всего языка в целом.

“*Maybe sometimes you'll know it's not my mother tongue because I used something I learned and it's not wrong but I could have used something else*” (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском профессиональном дискурсе отдельно выделяется «единица» языка, что передается лексемой 单位 *dānwèi*, которая обозначает единицу измерения. Однако подобное словоупотребление не было выделено в художественном и электронном дискурсах.

«...提出翻译单位是原文最小言语或语言单位的观点» (蒋绕华, 2003).

«...предложил считать единицей перевода самую маленькую речевую либо языковую единицу текста оригинала».

В китайском языке может идти речь о способе или методе использования языка (方式 *fāngshì*).

«语言运用的方式也是不同的» (新浪微博).

«Метод использования языка тоже отличается.»

Также в китайском языке выделяются средства языка, что передается с помощью словоупотребления 语言手段 (*yǔyán shǒuduàn*). Рассмотрим значения слова 手段: 1) искусство, техника; 2) методы, меры, принятые для достижения определенной цели; 3) инструменты, оборудование [大 БКРС].

«借助语言手段, 作者描绘了人物的生理和心理状态, 展现了他们的内心世界» (邓丽雯, 2018).

«С помощью языковых средств автор описывает жизненные процессы и психическое состояние людей, показывает их внутренний мир.»

Для использования языка требуются навыки и способности, что также отражено в данной метафорической модели. В профессиональном лингвистическом дискурсе лексема *ability* используется по отношению как к родному языку:

*“It may be that there was an evolutionary connection between **the language-using and tool-using abilities** of humans and that both were involved in the development of the speaking brain”* (G. Yule. The Study of Language).

Так и к иностранному:

*“**Higher ability students** made greater vocabulary gains than **lower ability students**”* (I. S. P. Nation. Learning Vocabulary in Another Language).

Однако термин *capacity* используется в большей мере по отношению к родному (первому) языку.

*“Tellingly, as far as I can determine, in all of Chomsky’s frequent writings on the character of the **human language capacity**, there is virtually no reference to post-1975 phonology – much less to the challenge that it presents to his overall syntactocentric view of language”* (R. Jackendoff. Précis of Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution).

*“This seems to indicate that human offspring are born with **a special capacity for language**”* (G. Yule. The Study of Language).

В непрофессиональном дискурсе *language ability* также относится как к родному (или к способности к речи в принципе), так и к иностранному языку.

*“He assembled his sentence slowly. That was the other thing -- the bigger a troll gets, the more he hardens. His brain processes get slower. **His language abilities deteriorate**”* (Corpus of Contemporary American English).

*“Don’t compare your **language abilities** with other learners”* (Reddit).

В китайском языке навыки и способности к языку обозначаются при помощи лексемы 能力 *nénglì*.

«看来她的语言能力的确不错» (Lancaster Corpus of Mandarin Chinese).

«По-видимому у нее действительно неплохие языковые навыки.»

«他身体瘦小，脑袋奇大，有极强的记忆力和天才的语言能力» (Chinese Internet Corpus).

«Он худой, у него большая голова, очень хорошая память и гениальные способности к языкам».

«... 可评估你在英语听、说、读、写技能方面的综合运用能力» (新浪微博).

«(он) может оценить ваши общие навыки использования английского языка в аудировании, чтении и письме.»

Стоит заметить, что лексема 能力 в основном используется по отношению к иностранным языкам.

Также навыки использования языка могут называть 技巧 jìqiǎo, что можно понимать как «техника, искусство, мастерство». Это относится как к родному, так и к иностранному языку.

«高清商说话技巧，让你更有吸引力» (Chinese Internet Corpus).

«Гао Циншан так мастерски говорит, что становится все интереснее».

Использование языка так же подразумевает, что у людей накапливается опыт в обращении с языком. Данное словоупотребление больше используется по отношению к иностранному языку.

“Learner’s knowledge of the prefixes and suffixes develops as they gain more *experience of the language*” (I. S. P. Nation. Learning Vocabulary).

“I seem to struggle with preposition throughout *my whole language experience*. Like currently I am stuck with either to use 'on my list' or 'in my list’” (Reddit).

Изучение функций языка является одной из главных задач лингвистики, поэтому метафорические словоупотребления как *language function* или *functions of language* являются очень частотными. Представление функций языка так же входит в сферу-источник TOOL.

*“We assume, in other words, that **this is what language is for; whatever its specific function** may be in the particular instance, it can serve this function only under the guise of text.”* (M. Halliday. Cohesion in English).

В китайском языке также возможно определить подобную метафорическую связь. Функция языка обозначается лексемой 功能 gōngnéng.

«当病情继续恶化下去, 病人的**语言功能**开始受影响» (Chinese Internet Corpus).

«Когда состояние начинает ухудшаться, у больного ухудшаются и языковые функции.»

В профессиональном дискурсе английского языка также может идти речь о «дизайне» или «конструкции» языка.

*“Based on about forty years of scientific inquiry on language, the Minimalist Program now develops this approach by putting at the center of the research agenda a remarkable property of **language design**: its elegance and concision in accomplishing the fundamental task of connecting sounds and meanings over an unbounded domain”* (N. Chomsky. The Minimalist Program).

Вне профессионального лингвистического дискурса о языке тоже говорят как о чем-то, что можно спроектировать.

*“Even our **language is designed** in a way which makes it difficult to even discuss a reality that is not based on space and time”* (Corpus of Contemporary American English).

В китайском языке эта метафорическая связь не прослеживается. Во электронном дискурсе говорят только о дизайне (设计) языков программирования, но не о естественном языке.

«我曾经**设计**并实现过一门**编程语言**, 作为我的毕业设计» (新浪微博).

«Однажды, в качестве дипломного проекта, я разработал и реализовал язык программирования».

Подобно механизму язык может «работать».

*“The study of language in everyday life cannot proceed very far without encountering many inefficiencies, miscommunications and misunderstandings, which lead us to the general conviction that **language does not work as well as we would like it to**” (W. Labov. Principles of Linguistic Change).*

В некоторых случаях язык представляют как некий механизм с различными деталями, например, барометром.

*“Even this quick glance **at the barometer of our language** indicates that today's social climate is a worryingly patriarchal one” (Corpus of Global Web-Based English).*

Наиболее часто метафора LANGUAGE IS A TOOL репрезентируется с помощью глагола *use* и других производных от него слов. Кроме того, эта метафора также часто репрезентируется с помощью имен существительных: *ability, capacity, experience, design, function*; 功能, 能力, 技巧.

На основе рассмотренных нами примеров можно сделать вывод что метафора LANGUAGE IS A TOOL является универсальной и встречается во всех исследуемых нами видах дискурса. Данная метафорическая модель является особо продуктивной в рамках профессионального лингвистического дискурса, причем она актуальна как для английского, так и для китайского языков. Метафорическое осмысление иностранного языка как инструмента подтверждается также в тех случаях, когда речь идет о навыках людей в использовании языка, способности к языкам. Также анализ эмпирического материала указал на возможность накапливания опыта в «использовании» языка. Соответственно, на основе исследованного материала можно сделать вывод о том, что метафора LANGUAGE IS A TOOL может быть использована как для представления родного языка, так и для иностранного.

2.2. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS A SUBSTANCE

Метафорическая модель LANGUAGE IS A SUBSTANCE также может быть названа частотной, так как она была выявлена в 110 контекстах. Отметим, что данная метафора является частотной во всех исследуемых типах дискурса.

Данная метафора основывается на связи сферы-цели LANGUAGE с сферой-источником SUBSTANCE. Благодаря данной сфере источнику, мы можем представить язык как некое вещество или материю, с которой люди могут взаимодействовать или «производить» (*produce*, 产生).

Рассмотрим определение слова SUBSTANCE в Cambridge English Dictionary:

Substance (noun) is a material with particular physical characteristics [Cambridge Dictionary].

Рассмотрим определения данные в Oxford English Dictionary:

- 1) a particular kind of matter with uniform properties;
 - 1.1) an intoxicating, stimulating, or narcotic chemical or drug, especially an illegal one;
- 2) the real physical matter of which a person or thing consists and which has a tangible, solid presence [Lexico.com].

Метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE в английском языке может быть представлена следующими языковыми употреблениями: *dirty language*, *filthy language*, *disgusting language* (15), *clean language*, *pure language*, *cleansing of language* (13), *language contact* (12), *to produce language* (9), *chunk of language*, *language chunks* (5), *to add language* (4), *diffusion of language* (4), *harmful language* (3), *toxic language* (3), *specimen of language* (3), *to be immersed in a language* (3), *to change language* (2), *to substitute language* (2), *expose to the language* (1), *malleable language* (1), *to mix language with other languages* (1).

В китайском языке данная метафорическая модель представлена следующими языковыми употреблениями: 恶毒的语言 (*èdú de yǔyán*) (7), 语言成分 (*yǔyán chéngfèn*) (4), 污言秽语 (*wū yán huìyǔ*) (4), 产生语言 (*chǎnshēng yǔyán*) (3), 恶臭言论 (*èchòu yánlùn*) (3), 语言精练 (*yǔyán jīngliàn*) (2), 粗言秽语 (*cū yán huìyǔ*) (2), 锤炼语言 (*chuíliàn yǔyán*) (2), 语言垃圾 (*yǔyán lājī*) (1), 语言浸透 (*yǔyán jìntòu*) (1).

В профессиональном дискурсе язык представлен как нечто, что люди могут производить или вырабатывать. Это относится как к родному, так и к иностранному языку.

“We normally produce spoken language on exhaled breath. But Ouch! and other interjections such as Ah!, Ooh!, Wow! or Yuck!, are usually produced with sudden intakes of breath, which is the opposite of ordinary talk” (G. Yule. The Study of Language).

“Ellis and Laporte (in press) note that certainly for beginners, there are strong benefits for vocabulary acquisition (including phrases and collocations) in having to produce language” (I. S. P. Nation. Learning Vocabulary in Another Language).

В китайском языке в схожем контексте используется лексема 产生 *chǎnshēng*, которая может обладать следующими значениями: рождать; производить; создавать; образовывать; порождать [大 БКРС]. Однако лингвистические работы, в которых было найдено данное словоупотребление, ссылались на англоязычные источники, поэтому можно предположить, что данное метафорическое словоупотребление перешло в китайский язык из английского языка.

«对于这些语言学的基本问题，语言学家乔姆斯基认为，人类产生语言是由于某个基因突变的结果» (苏章海, 2014).

«По отношению к этим базовым вопросам лингвистики, лингвист Хомский полагает, что люди производят язык по причине мутации определенных генов».

В профессиональном дискурсе язык рассматривается как некий материал или вещество, соответственно, отдельные фразы или тексты представляют собой «образцы» данного материала.

“We do not, in fact, evaluate any specimen of language” (M. Halliday. Cohesion in English).

В области лингводидактики и в работах посвященных изучению процесса приобретения иностранных языков встречается термин *“chunk of language”*, что тоже согласуется с метафорой LANGUAGE IS A SUBSTANCE.

“N. Ellis (in press) argues that although it is possible for linguists to discover grammar rules in instances of language, language knowledge and language use can be accounted for by the storage of chunks of language in long term memory and by experience of how likely particular chunks are to occur with other particular chunks, without the need to refer to underlying rules” (I. S. P. Nation. Learning Vocabulary in Another Language).

В китайском языке данная метафорическая связь тоже подтверждается. В профессиональном дискурсе может идти речь о «компонентах» языка 成分 *chéngfèn*.

«此外，还有句子中语言成分的交际含义、词的隐喻意义和伴随意义» (张娜娜; 王磊, 2008).

«Кроме того, еще существуют коммуникативные, метафорические и коннотативные значения языковых компонентов».

«中国语言的各种成分几乎都能在里面找到» (刘金保, 2013).

«В нем можно найти почти все из различных компонентов китайского языка».

В данном случае 语言的各种成分 можно понимать как «различные компоненты языка».

В контексте изучения языковых изменений, а также языковых контактов, появляется термин *diffusion*. Чаще всего встречается сочетание *lexical diffusion*. Данный термин употребляется по аналогии с термином из

физики, обозначающий проникновение молекул одного вещества между молекулами другого.

“The diffusion of specific linguistic structures is one of many changes that spring from adult language contact” (W. Labov. Principles of Linguistic Change).

Представление о языке как о материале или веществе характерно для всех исследуемых нами дискурсов, но данная метафорическая связь представлена различными языковыми употреблениями. Тогда как в лингвистическом дискурсе фокус находится на изучении свойств языка как вещества, возможность производить это вещество, экспериментировать с ним, в электронном и художественном дискурсах больше представлено прямое взаимодействие с этим веществом и возможные последствия этого взаимодействия.

Поскольку язык рассматривается как некое вещество, возможно говорить о том, что язык может быть нечистым, грязным или мерзким. Подобные языковые употребления встречаются в своем большинстве в электронном и художественном дискурсах, и крайне редко представлены в профессиональном лингвистическом дискурсе. Данные метафорические словоупотребления всегда относятся к родному языку.

*“And you can't blame the game creators. Half-naked girls, **dirty language** and messed up villains is what consumers want”* (Corpus of Contemporary American English).

*“Please, Miss, the dogs are screwing!” “What nonsense! Don't use such **dirty language!**”* (Corpus of Contemporary American English).

*“He studied the wall in front of him, the graffiti and **filthy language** written there”* (Corpus of Global Web-Based English).

*“Two years is probably harsh, but these women blasphemed God in his holy house, using **the most disgusting language and behaviour**”* (Corpus of Global Web-Based English).

С другой стороны, язык может быть чистым.

“For then I will restore to the peoples a pure language, which they will serve my Masters with one accord” (Corpus of Contemporary American English).

“We write in the dark, some of us not even wearing clothes as we do so, struggling daily to produce clean and pure language that should (we assume) float free of the burden of good looks and bright teeth” (Corpus of Global Web-Based English).

Поскольку язык может быть чистым или грязным, мы так же можем говорить об «очищении» языка:

“I blame YOU, ME and EVERYONE who thinks that the cleansing of our language to the point that it can't or won't offend anyone is a lofty, noble goal” (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском электронном дискурсе были найдены примеры, в которых также говорится об «очищенном» или «рафинированном» языке (精练 *jīngliàn*).

«这些微博语言精练, 内容充实, 观点鲜明, 文风犀利, 精彩不断, 都引起博友们热烈讨论» (Chinese Internet Corpus).

«Этот микроблог написан лаконичным (очищенным) языком, полны содержания, в них ясна точка зрения, стиль изложения резок, и они всегда интересны. Все читатели увлеченно его обсуждают.»

Неприятное высказывание в китайском языке может быть описано как что-то, что обладает неприятным, скверным запахом.

«伊能静在线怼网络喷子, 这种随意用女性年龄发表侮辱性语言的恶臭言论怼得好» (新浪微博).

«Инэнсин недовольна онлайн троллингом в интернете, ужасно делать такие «вонючие» замечания, используя возраст женщины, чтобы ее оскорбить.»

В китайском языке также существует несколько устойчивых выражений, которые представляют ненормативную лексику и грубую речь как что-то грязное: 污言秽语 *wū yán huìyǔ*, 粗言秽语 *cū yán huìyǔ*.

«刚才删除拉黑了一个人的污言秽语» (新浪微博).

«Только что удалил непристойные слова заблокированного человека.»

«站在街头说话几小时是很辛苦的事情，还会遇到废青粗言秽语辱骂，谁可以代我去做秀?» (新浪微博).

«Целый час стоять на улице и говорить очень сложно, еще возможно наткнуться на грубых подростков, которые могут тебя обругать, кому захочется со мной в этом участвовать?»

Рассмотрим подробнее выражение *污言秽语*. Согласно китайскому толковому словарю Синьхуа (新华字典) лексема 污 wū имеет значение «грязный, нечистый, мутный», а 秽 huì понимается как 1) сорная трава; 2) грязь, нечистоты мусор [新华字典].

Язык может быть ядовитым или вредным, как ядовитое вещество. Контакт с подобным веществом может быть опасен, данный аспект так же подтверждается метафорической связью. Такое метафорическое словоупотребление употребляется в отношении родного языка.

“It is always uncomfortable to be the target of toxic language, and it is even more scary and disturbing to expose my closest partner” (Corpus of Contemporary American English).

“So within the realm of civil discourse, superficially polite but actually harmful language can be spotted and queried, with no recourse to insults necessary” (Corpus of Contemporary American English).

В китайском художественном дискурсе были выявлены метафорические словоупотребления, подтверждающие, что язык может быть ядовитым. Это выражается с помощью лексемы 恶毒 èdú, где вторая часть 毒 dú обозначает «яд, отравка, токсин», но также «зло, пагуба, несчастье» [大 БКРС].

«大家都呆呆地看着她，尤其是我，更呆透了，因为刚才她还用那样恶毒的语言咒骂我姐» (Lancaster Corpus of Mandarin Chinese).

«Все смотрели на нее остолбенело, особенно я, еще более ошеломленный, потому что она ругалась на мою сестру таким ядовитым языком».

В китайском языке было замечено употребление слова 垃圾 lājī по отношению к языку, таким образом, может идти речь о языковых «отходах» или «мусоре».

«现在, 她经常对着我絮絮叨叨讲她的心事, 把我当成了一个可以盛放她那些语言垃圾的塑料大桶» (新浪微博).

«Теперь она часто рассказывает мне о своих мыслях и относится ко мне как к пластиковому баку, в который можно вываливать ее языковой мусор».

Различные предметы могут содержать в себе язык:

“It allows the user to block videos that **contain language** which might be considered inappropriate” (Corpus of Global Web-Based English).

Над языком могут производиться различные действия, его можно добавлять, изменять или заменять чем-то другим.

“To begin, an amendment is defined by Legislative Counsel as an alteration to a bill, motion, resolution, or clause by **adding, changing, substituting, or omitting language**” (Corpus of Global Web-Based English).

Язык может быть смешен с другими языками, что в свою очередь дает начало новой разновидности языка. Это выражается с помощью таких лексем как *mix, mishmash*.

“The only things descended from English are creoles like Gullah, which are the product of **mixing English with other languages**” (Reddit).

Также могут быть «смешены» различные варианты или диалекты языка, например, британский и американский английский:

“I'm Canadian, and while **our own language is a mishmash of American and parts of UK English....**” (Corpus of Global Web-Based English).

Подобно металлу, язык может принимать необходимые формы, что подтверждается следующим примером:

*“It isn't a perfect mapping of the thought experiment, but **language is malleable enough** to accommodate this. Deal with it”* (Corpus of Contemporary American English).

Язык также можно ковать как металл, это передается с помощью лексемы 锤炼 *chuíliàn*.

«我们在选择和使用语言时**要学会锤炼语言**» (Chinese Internet Corpus).

«В момент использования и выбора языка мы должны научиться тщательно его обрабатывать».

Также язык может идти речь о «текстуре» (*texture*) языка. Причем уделяется внимание таким метафорическим качествам, как «жесткость» или «шероховатость» языка (*roughness*).

*“Both he and Stein find excess emotion in language's "**roughness and violence** " or its pointedly textural texture”* (Corpus of Global Web-Based English).

Это также передается и с помощью имен прилагательных:

*“Stone seems in a good mood despite her **rough language**”* (Corpus of Contemporary American English).

*“Okay, so **coarse language** didn't really shock her, not anymore, not at twenty-four when much of her life had been spent on the sordid side of survival”* (Corpus of Contemporary American English).

Язык также может быть «мягким»:

*“It sometimes seems like every mom in the blogosphere has a beautifully organized home, eats only organic unprocessed foods and only use **soft language** with their kids, all this while crafting beautiful things and baking gluten free cookies”* (Corpus of Contemporary American English).

В ходе нашего исследования было обнаружено несколько примеров, которые позволяют сузить сферу-источник и рассматривать язык как некую жидкость, в связи с чем можно определить метафорическую модель

LANGUAGE IS A LIQUID SUBSTANCE. Подобные метафорические словоупотребления были замечены как в английском, так и в китайском языках.

Например, подобно жидкости, в язык можно погрузиться, что передается с помощью метафорического словоупотребления *to be immersed in language*.

*“As I said in my comment, people learn from **being immersed in the language**”* (Reddit).

Также по отношению к языку часто используется глагол *flow*, то есть о языке говорят как о чем-то, что может литься или струиться. Также по отношению к языку используется наречие *fluidly*.

*“...chants and jeers in France sounds anything but intimidating because of **how fluidly their language flows...**”* (Corpus of Global Web-Based English).

В профессиональном дискурсе также была замечена метафора LANGUAGE IS A LIQUID SUBSTANCE. В английском языке, например, о речи говорят как о чем-то, что появляется маленькими «струями» (*spurt*).

*“Thanks to the way the human brain and vocal system is built, **speech is produced in small spurts**”* (J. Gee. How to Do Discourse Analysis: A Toolkit).

В китайском профессиональном дискурсе язык осмысливается как нечто, что может «пропитать», что подтверждает существование метафоры LANGUAGE IS A LIQUID SUBSTANCE в китайском языке.

«语言浸透了民族文化的精神，两者水乳交融般的关系，促使着一代又一代学者在语言与文化的交互研究领域前赴后继» (韩健, 2013).

«Язык насквозь пропитывает национально-культурный дух, их связь неразрывна. Из-за этого поколение за поколением ученых непрерывно исследуют язык и культуру».

Метафорическая модель LANGUAGE IS A SUBSTANCE репрезентируется с помощью лексических средств. В английском языке наиболее часто эта метафора передается с помощью имен прилагательных: *toxic, harmful, clean, pure, coarse, rough, dirty, filthy, disgusting, malleable*. В

китайском языке эта метафора была репрезентирована с помощью глагольных имен, а также она проявлялась через имена существительные, с которыми было связано прилагательное «языковой» (语言的).

Поскольку метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE встречается во всех изучаемых дискурсах, можно говорить о том, что данная сфера-источник является одной из основных метафорических моделей, представляющих язык. Следует отметить, что в профессиональном дискурсе язык как вещество представляется в аспекте изучения и экспериментирования с данным веществом и его частями (*specimen of language, chunk of language, produce language*), это особенно ярко представлено в лингвистическом дискурсе английского языка. В китайском языке тоже рассматриваются компоненты языка (成分), однако в профессиональном дискурсе метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE встречается реже чем метафора LANGUAGE IS A TOOL. В электронном и художественном дискурсах язык осмысливается как некое вещество, с которым люди взаимодействуют в ежедневной жизни. В связи с этим для непрофессионального дискурса характерно присвоение языку метафорических качеств различных субстанций: чистый, грязный, вонючий, вредный, ядовитый, опасный. Метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE используется для репрезентации образов как родного, так и иностранного языка.

2.3. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING

Метафора LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING была выявлена во всех изучаемых дискурсах в английском языке, но является более частотной в электронном дискурсе. В китайском языке данная метафора не была идентифицирована. Сфера-источник AN ITEM OF CLOTHING позволяет

представить язык как предмет одежды. Данная метафора была выявлена в 35 изучаемых контекстах.

В профессиональном лингвистическом дискурсе метафорическая модель LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING встречается крайне редко. Однако, язык представляется как нечто, что можно «подгонять» к нужному размеру или «примерять».

“It seems, then, that we fit our language to a context that our language, in turn, helps to create in the first place” (J. Gee. How to Do Discourse Analysis: A Toolkit).

Язык также может принимать необходимую форму.

“Here, too, they shape their language to meet these purposes” (J. Gee. How to Do Discourse Analysis: A Toolkit).

Язык, подобно одежде, может быть удобным. Это метафорическое словоупотребление используется для описания предпочитаемого способа коммуникации.

“We also, in our mutual professions, both tried to find ways to express ourselves beyond words... as words were not our most comfortable language” (Corpus of Global Web-Based English).

“So what language are you most comfortable in? Yo, English for sure” (Corpus of Contemporary American English).

“Language that I am comfortable talking in is perhaps English” (Reddit).

Для электронного и художественного дискурсов характерно разделение языка на уместный и неуместный, подобно одежде. Это выражается с помощью лексем *appropriate* и *inappropriate*, а также *fitting*.

“We do, however, reserve the right not to post any comments that use inappropriate language or are otherwise counter” (Corpus of Global Web-Based English).

“Question from a (hopeful) future doctor for trans/non-binary/etc. folk regarding appropriate language to be used” (Reddit).

“*But this man just straight out bash me with inappropriate language*” (Reddit).

“*It would require a formal letter of apology to the PTO for her "unfortunate, regrettable, and inappropriate language"* (Corpus of Global Web-Based English).

“*Deeper must thou incline thee, Fitting language must thou utter!*” (Corpus of Global Web-Based English).

Представление о подходящем языке также выражается с помощью лексемы *suitable*.

“*All linguistic philosophers talk about the world by means of taking about a suitable language*” (Corpus of Contemporary American English).

Однако словосочетание *suitable language* в большей степени используется в электронном дискурсе в контексте обсуждения языков программирования.

“*Is Python the most suitable language for automating credit control processes?*” (Reddit).

С помощью глагола *suit* говорят о том, подходит язык определенному человеку или нет.

“*‘That sort of language doesn’t suit you,’ he said indulgently.*”

“*Rude language doesn't suit you.*’

She laughed. 'Just 'cause you're old enough to be my father doesn't give you the right to be my father' (Corpus of Global Web-Based English).

Язык также может быть «правильным» или «надлежащим», что передается с помощью лексемы *proper*.

“*We are taught that a proper language makes perfect logical sense, and that allowing changes willy-nilly threatens chaos*” (Corpus of Global Web-Based English).

Представление о языке как об одежде позволяет говорить о том, что в язык можно что-то «одеть» или «нарядить» (*gussy up*).

“Oh, sure, Ji and his ilk gussy them up with the language of science, throwing around terms like “ quantum, “ non-locality, faster-than-light communication, to make his woo sound like science” (Corpus of Contemporary American English).

“Have you put your offer in language that shows you understand what he's up against?” (Corpus of Contemporary American English).

“To put it in language he might understand, just on one point, someone shd just remind him of his Health Sec's views, which on the subject of “fair drug pricing” are a clear extension of his own given past statements” (Corpus of Contemporary American English).

“To perceive form... even the form or shape of your own lives... you must dress it in language. Language is the stuff of form” (Corpus of Global Web-Based English).

Язык можно поменять или сменить.

“I switch between languages based on who I'm talking to” (Reddit).

Язык также могут называть свободным (*loose*), что в некоторых случаях может означать «неточный».

“You may get an examiner who is upset by this sort of loose language” (Corpus of Global Web-Based English).

Однако в другом случае, *loose* принимает то же значение, что и *inappropriate*.

“In peacetime, loose language (and a Twitter feeding frenzy) sink careers” (Corpus of Global Web-Based English).

Рассмотрев данные примеры, можно сделать вывод о том, что данная метафорическая модель является частотной для интернет и художественного дискурса, однако она не так ярко представлена в профессиональном дискурсе. Метафорическая связь со сферой-источником AN ITEM OF CLOTHING является основой для осмысления языке как предмета одежды, который может быть уместным или неуместным, а так же, как о что-то в чем человеку может быть удобно в английском языке. Данная метафорическая модель

используется преимущественно для репрезентации родного языка. В большинстве случаев она репрезентируется с помощью имен прилагательных.

2.4. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS FOOD

В художественном и электронном дискурсах были выявлены метафорические словоупотребления, которые позволили выделить метафорическую модель LANGUAGE IS FOOD. Эта метафора была выявлена в 42 контекстах. Данная метафора связывает сферу-цель LANGUAGE с сферой-источником FOOD и представлена следующими метафорическими словоупотреблениями: *digestable language, indigestible language, unpalatable language, inedible language, delicious words, cheesy language, flavourful language, ready-made speech, text-speak word-salad*.

Язык осмысляется как пища или еда, в связи с чем обладает качествами, которые люди ассоциируют с едой. Например, язык может быть перевариваемым (*digestible*).

*“We have compiled a list of the top 100 Brexit-related terms and translated them into clear and **digestible language**, to provide definitions of the words that dominate the Brexit discourse”* (Twitter).

В данном случае слово *digestible* приобретает значение *easily understandable*. Соответственно, язык также может быть и «не перевариваемым»:

*“I had wished to read a short history of World War Two and that's what this book says it is, but it should say on the front somewhere that in fact **it's not written in English but in the indigestible language of soap opera episode summaries**”* (Corpus of Global Web-Based English).

Язык и информация, передаваемая с помощью языка, могут быть «неприятны на вкус» или «несъедобны».

*“What struck a prisoner most about this worthy disciple of Hippocrates was the surprising contrast between his impressive look **and the unpalatable language** that flowed from his mouth”* (Corpus of Global Web-Based English).

*“Some people are trying to expose **some unpalatable and inedible truth**, which Muslims try their best to hide”* (Corpus of Global Web-Based English).

В данных случаях *unpalatable* несет значение «неприемлемый», что-то с чем нельзя смириться.

В китайском языке тоже есть подобное выражение:

«高中时候就在租书店看小本的银河英雄传说，语言似乎干枯无味，但记得俊美耀眼的黄金狮子莱因哈特，还有很有中国人色彩的杨威利» (新浪微博).

«Во времена старшей школы я недооценивал комикс «Легенда о героях галактики», язык казался сухим и скучным (безвкусным), но мне запомнился красивая золотая грива Райнхарда фон Лоэнграмма, а еще там был очень похожий на китайца персонаж Ян Вэньли».

По отношению к языку используются два прилагательных 干枯 *gānkū* «сухой, засохший», а также 无味 *wúwèi* «безвкусный, пресный». В китайском языке 无味 имеет значение «неинтересный».

В английском языке тоже прослеживается такая метафорическая связь, что выражается с помощью лексемы *bland*.

*“I don't read a ton of nonfiction because for me **bland language** is a real turn off in a book”* (Reddit).

Соответственно, можно предположить, что «вкус» языка и слов – это эмоции, которые они вызывают.

*“Often she'd told him he was marvelous, superb, splendid, but mostly to hear **the delicious words** in her own mouth”* (Corpus of Global Web-Based English).

Язык и все, что выражается с помощью языка может обладать различными вкусами:

*"I remember it because up until that point I'd been so convinced it was actually Teo, but Teo would never have said **something cheesy** like that"* (Corpus of Global Web-Based English).

*"Oh, it wasn't meant to be like this. " The king sounded **bitter**"* (Corpus of Global Web-Based English).

*"That's the way I do, " **said the other sourly**"* (Corpus of Global Web-Based English).

*"Can I give you a ride Angel? " **he asked sweetly**"* (Corpus of Global Web-Based English).

Sweet в английском языке используется для обозначения нежных или приятных слов.

*"All we could do was just to watch each other to suffer from the pain and to give some **sweet words** to each other, like " I am here with you ", " You are not alone ", " I support you with all my heart "* (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском же выражение 甜言 *tiányán* «сладкие слова» метафорически обозначает лесть.

«男人的甜言并不重要，重要的是能否兑现承诺!» (新浪微博).

«Сладкие слова от мужчины ничего не значат, важно то, выполняет ли он обещания!»

«Горькими» в китайском языке называют колкие и неприятные слова, 苦言 *kǔyán* буквально переводится как «горькие слова».

«越是经历的多了，越能品尝出成年人永远逃不出这种有情发不出，有苦言不明的委屈» (新浪微博).

«Чем больше переживаешь, тем больше понимаешь, что взрослые живут с чувствами, от которых им не убежать и с обидой из-за непринятой горькой правды.»

Язык, который обладает множеством вкусов (*flavourful*) будет наполнен различными эмоциями, по большей части негативными. В связи с этим,

лексема *flavourful* употребляется в отношении речи, наполненной бранными словами, которую человек производит, когда испытывает множество эмоций:

“Some damned fool half-trained clowns, doing aerobatics through the flight path,” and Johnny cursed fluently and inventively on both audible and telepathic levels. Peter’s eyes rounded with awe at the flavourful language” (Corpus of Global Web-Based English).

В том случае, когда язык представляется вульгарным или грубым, его называют «сырым», то есть не обработанным.

“The raw language of Serjeant Musgrave’s Dance can be assumed to have been one of the aspects of the play that attracted a company so concerned with reinforcing its regional identity as ‘From the North’” (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском языке о деградации или гнусности говорят 腐败 *fǔbài*, что значит «гнилой, протухший», то есть ни к чему не годный язык сравнивают с чем-то протухшим.

«这年头语言腐败，没有一点真情实意» (新浪微博).

«Язык в наши дни прогнил, нет в нем искренних чувств.»

В английском языке в электронном дискурсе было выявлено употребление прилагательного *staple* по отношению к языку. Это прилагательное означает «основной» и чаще всего употребляется по отношению к пище.

“As the Protestant wave of Lutheranism spread through the land, the language of the Bible (as written and pronounced by Martin Luther) became the staple language taught in schools and seminaries” (Corpus of Global Web-Based English).

По отношению к спутанному языку, несвязной речи было выявлено употребление метафорического выражения *word-salad*.

“Poor Penny on Happy Endings was called out for using “abbreves,” it came up on How I Met Your Mother, and several scenes on Suburgatory devolve into text-speak word-salad” (Corpus of Global Web-Based English).

“Word salad aside, this mom is unschooling her kids and I’m super worried for the warped worldview they’re going to grow up with” (Reddit).

Метафорическая модель LANGUAGE IS FOOD создает связь между сферами языка и пищи, что подтверждается многими языковыми словоупотреблениями. Она в основном репрезентируется с помощью имен прилагательных, а также с помощью словосочетаний с именами существительными. Благодаря метафоре LANGUAGE IS FOOD язык осмысливается как некое блюдо, в связи с чем можно выделить и вкусы, которыми язык обладает: сладкий, горький, кислый, сырный. В английском и китайском языке наблюдается различие между интерпретацией значения этих метафорических качеств: сладкий в английском обладает положительными коннотациями, однако в китайском выявлены более негативные значения.

2.5. Специфика репрезентации метафорической модели LANGUAGE IS A PERSON

Метафорическая модель LANGUAGE IS A PERSON была выявлена в профессиональных дискурсах китайского и английского языка, однако является более продуктивной в электронном и художественном типах дискурса. Эта метафора была выделена в 38 контекстах.

Данная структурная метафора позволяет представить язык как личность, как человека. Из-за этого языку присваиваются все качества, которые присущи человеку. Прежде чем рассматривать человеческие качества, которые метафорически связывают с языком, необходимо определить, что язык осмысливается как живое существо.

Язык является чем-то живым и «дышащим».

“Yes, language is living and breathing; it changes over time” (Corpus of Contemporary American English).

Особенно часто о языке говорят как о живом существе в контексте обсуждения изменений в языке, что позволяет говорить об эволюции языка.

*“I am curious about your opinion regarding **the evolution of language**”* (Corpus of Contemporary American English).

Также говорится и о росте и развитии языка.

*“Every word has been selected because it tells us something about the way **the English language developed**”* (D. Crystal. The Story of English in 100 words.)

*“Recognizing that **first and second language growth** increases with abundant reading and writing”* (Corpus of Contemporary American English).

Язык может родиться.

*“When a group of people shares a need or desire to communicate, **language is born**”* (Corpus of Global Web-Based English).

Язык может умереть. Причем причинами «смерти» языка может быть отсутствие изменений:

*“If evolution is prohibited, and our language doesn't change, **the language will die**”* (Corpus of Global Web-Based English).

Либо наоборот, слишком большое количество изменений, популяризация сокращений и влияние других языков.

*“**Proper English is dying** and accents are spreading as China rises in power”* (Corpus of Global Web-Based English).

Мертвый язык – это язык без живых носителей, не существующий в живом употреблении. Данный термин является распространённым и используется как в английском (*dead language*).

*“**Oma bent over the fire, speaking to the dead in a dead language**”* (Corpus of Global Web-Based English).

Но, помимо этого, словосочетание *dead language* используется так же по отношению к тому, что невозможно понять.

*“...I could not see the point. It was a boring, irrelevant and **dead language**”* (Corpus of Global Web-Based English).

И то, что люди забыли или от чего отделились.

“Classical music is a dead language, ” Jane declared.” (Corpus of Global Web-Based English).

Кроме того, в английском языке проводится различие между *extinct language* и *dead language*. *Dead* относится к языкам, которые не имеют живых носителей, считающих данный язык родным, но которые еще используются другими людьми. *Extinct* относится к языкам, которые не имеют живых носителей и не используются.

“TIL there is an extinct language called Mbabaram which evolved separately from English. The word for "dog" in Mbabaram happens to also be "dog" by complete coincidence” (Reddit)

Кроме того, для обозначения мертвого языка в английском также используется лексема *deceased*. Язык, который пытаются восстановить обозначается как *revived language*.

“This information will help make the revived language similar to the deceased language” (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском языке по отношению к мертвым языкам используется несколько разных наименований, среди них: *绝迹语言 juéjī yǔyán*, *灭绝语言 mièjué yǔyán*, *灭亡语言 mièwáng yǔyán*, *去世的语言 qùshì de yǔyán*, а также *死语 sǐ yǔ*.

«我国最“神秘”的4个专业，各种墓地鬼神，研究死语和绝迹语言!» (新浪微博).

«4 самых «загадных» профессии в нашей стране: разные кладбища и призраки, изучение мертвых и исчезнувших языков!»

Помимо этого, лексема *死语* используется также в контексте обсуждения слов, которые уже «забыты», как в прямом, так и в переносном смысле. Данное употребление является актуальным только в китайском электронном дискурсе.

«感觉“好尊”几乎已经变成死语了» (新浪微博).

«Такое чувство, что «уважение» уже стало мертвым языком».

Метафора LANGUAGE IS A PERSON позволяет представить, что язык обладает своим телом. Это отражается как в профессиональном, так и в непрофессиональном дискурсах. Возможно также и различие отдельных частей «тела» языка. Из выделенных нами примеров можно сделать вывод, что у языка различают «горло», «кровоток», «лицо».

“The English language is dying and we are the ones slitting its throat” (Reddit).

“Our statements are underpinned by propositions and premises of which we are not aware, but which are, so to speak, carried along in the bloodstream of our language” (Corpus of Global Web-Based English).

*“Whether the source of this injustice be a patriarchal bias, or a racist prejudice, or an unconscious fear of disability, we must all try to renew, not only the face of the earth, but **the face of our language**”* (Corpus of Global Web-Based English).

В китайском профессиональном и электронном дискурсах говорится о том, что находится «за» языком, то есть рассматриваются некие экстралингвистические факторы, либо двойной смысл слов. В данном случае используется выражение 语言的背后 *yǔyán de bèihòu*, что буквально можно понимать как «за спиной» языка.

«不要去在心理上害怕任何一种题，而是要在语言的背后找到对解题有帮助的信息点» (新浪微博).

«Не надо бояться выполнять какое бы то ни было задание, нужно искать в языке полезную для понимания темы информацию».

В китайском профессиональном дискурсе по отношению к языку используется лексема 本身 *běnshēn*, которая обладает значением «сам (по себе), самолично, как таковой». Вторая часть этого слова 身 обозначает «тело (человека)», однако используется для передачи таких понятий как «я», «сам», «лично».

«元语言等值的焦点是语言本身» (Lancaster Corpus of Mandarin Chinese).

«Полноценная суть метаязыка – это сам язык.»

«另一方面，语言本身又是一种特殊的社会文化现象» (韩健, 2013).

«С другой стороны, сам язык является особым социальным и культурным явлением».

О языке говорят как о чем-то, что нужно защищать и о чем нужно заботиться.

“I understand language is a living, evolving entity, but doesn’t it need nurturing and protection like any other living thing?” (Corpus of Global Web-Based English).

Язык можно убить.

*“Is social media responsible for **killing English language?**”* (Corpus of Contemporary American English).

Возможно также говорить и выживании языка.

*“It is top priority of our Bands and Nation to ensure **the survival of our language and culture**, despite the fact that so many of our Elders have passed on”* (Corpus of Contemporary American English).

Неправомерные в глазах говорящего изменения слов или выражений, а также грубые ошибки часто обозначаются как жестокие действия в сторону языка. Это выражается такими словами как например *butchery, butcher*.

*“Other **butchery of our language** I’ve witnessed recently: # Spelling congratulations as “congradulations”* (Corpus of Global Web-Based English).

*“Is it rude to correct a person when **he butchers the English language?**”* (Reddit).

Язык также может быть ранен, что передается с помощью лексемы *wound*.

“The american language is wounded up to and maybe beyond repair and tries to hide itself in the Whitmanic line” (Corpus of Contemporary American English).

“The body of language is wounded. This is the core issue that provokes this study” (Corpus of Global Web-Based English).

В профессиональном дискурсе были отмечены такие словоупотребления как *language's character* и *language's identity*. Соответственно, у языка может быть свой характер и индивидуальность.

“Vocabulary is always a primary index of a language's identity”
(D. Crystal. The Story of English in 100 words).

Характер языка может изменяться.

“It's hardly surprising, accordingly, that with Scots identity at stake the English language would soon evolve a local character, quite unlike anything south of the River Tweed” (D. Crystal. The Story of English in 100 words).

Язык может «путешествовать».

“And because of the way English has travelled the world, courtesy of its soldiers, sailors, traders and civil servants, several hundred languages have contributed to its lexical character” (D. Crystal. The Story of English in 100 words).

Язык как будто обладает своим сознанием, и может проявлять свои собственные желания.

“...the Arabs' failure to modernize was a corollary of their very language 's inability (or unwillingness) to regenerate and innovate and conform to the exigencies of modern life” (Corpus of Global Web-Based English).

Язык может испытывать сильные эмоции, например, быть кровожадным или свирепым. Это выражается с помощью выражения 杀气腾腾 shāqìténgténg.

«动作配合着话语，腔调抑扬顿挫，嘴角溢出白沫，语言杀气腾腾、空洞洞» (Lancaster Corpus of Mandarin Chinese).

«Их движения сочетались с их словами, их голоса было отчетливо слышно, в уголках их рта собиралась пена, язык был кровожадным и совсем пустым».

В художественном дискурсе язык может быть представлен как существо, которое может спать.

«云珊心里产生一种异样的感觉, 那些沉睡的语言在她舌头上复苏、打卷, 试图蹦将出来» (Lancaster Corpus of Mandarin Chinese).

«У Юнь Шань появилось странное чувство в сердце: эти спящие на ее языке слова воспряли и свернулись в попытке выпрыгнуть наружу».

Язык может быть агрессивным.

«这句评论的时候, 娜扎又不禁落泪, 语言的攻击性所带来的伤害是毁灭性的, 甚至更甚, 希望网友都可以更友善一些吧~» (新浪微博).

«Из-за этих комментариев Нацза не могла удержаться от слез. Обида, которая была вызвана агрессивностью языка имела разрушительный характер, надеюсь пользователи сети могут быть более дружелюбными».

Язык часто наделяют чисто человеческими качествами. Например, по отношению к языку употребляется лексема *vivacity*, что можно понимать как живость или оживленность. Согласно словарю Оксфорд, эта лексема употребляется в отношении женщин, и указывает на то, что привлекательность человека из-за его живости. Также в этом примере говорится о шарме языка (*charms*), что также является качеством, которое присуще в первую очередь человеку.

"Otherwise, remember that sadness does not preclude language 's vivacities and charms" (Corpus of Global Web-Based English).

Язык также могут называть безумным или сумасшедшим, что передается с помощью слов *crazy, insane*.

"The allure of that crazy language with letters like L and A" (Reddit).

"Insane and crazy language, how she will leave you?" (Corpus of Global Web-Based English).

В целом метафора LANGUAGE IS A PERSON прослеживается в тех случаях, когда о языке говорят как об отдельной от человека сущности, присваивая языку действия, которые может делать только сознательное существо - то есть человек.

"As the chair of the US Committee on Public Doublespeak said in 1973, it is language which pretends to communicate, but really doesn't. It is language which tries to make the bad seem good, the negative seem positive, or the unpleasant seem attractive, or at least tolerable. It is language which avoids or shifts responsibility ..." (D. Crystal. The Story of English in 100 words).

Здесь, например, язык притворяется (*pretend*), пытается представить хорошее как плохое (*tries to make the bad seem good*), у языка есть ответственность (*responsibility*), которую он может пытаться избегать или "перекладывать на другого".

В следующем примере также говорится о некой ответственности, которая лежит на языке:

"Let's not show an entrenched English speaker Japanese and claim that it is the language's responsibility to immediately map to his mental model of English" (Corpus of Global Web-Based English).

Язык обладает умственными способностями. По отношению к языку были замечены следующие словоупотребления: *stupid, idiot, intellegent*.

"I love the way technology is making an idiot of our language)" (Corpus of Global Web-Based English).

"...I teach English as a second language; you're right: English is a pretty stupid language" (Reddit).

"Can't folks find more intelligent language to state their dislikes?" (Corpus of Global Web-Based English).

Метафора LANGUAGE IS A PERSON репрезентируется с помощью лексических средств. Для репрезентации используются как глагольные имена, так и имена прилагательные. Метафорические качества языка также зачастую передаются с помощью имен существительных.

Рассмотрев примеры, в которых представлена метафорическая модель LANGUAGE IS A PERSON можно говорить о ее релевантности для английского языка и большой продуктивности в англоязычных художественном и электронном дискурсах. В китайском языке метафора

LANGUAGE IS A PERSON также была выявлена, и является частотной для электронного дискурса. Базой для метафоры LANGUAGE IS A PERSON может являться метафорическая модель LANGUAGE IS A LIVING THING, поскольку большая часть метафорических словоупотреблений указывала на осмысление языка как живого существа. Однако другие выделенные нами словоупотребления указывали на то, что язык метафорически наделяют «человеческими» качества: интеллект, живость, агрессивность. Кроме того, несколько языковых примеров послужили доказательством того, что люди мыслят о языке как о сознательном существе, поскольку язык может обладать силой воли, выбирать, различать добро и зло и т. д. В связи с этим можно быть уверенным в том, что язык как сфера-цель структурируется именно по сфере-источнику PERSON.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

- В профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах английского и китайского языка были выделены следующие метафорические модели LANGUAGE IS A TOOL, LANGUAGE IS A SUBSTANCE, LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING, LANGUAGE IS FOOD и LANGUAGE IS A PERSON.

- Метафорическая модель LANGUAGE IS A TOOL является самой частотной для всех рассматриваемых языков. Она используется как для репрезентации образа родного языка, так и для образа иностранного языка. Данная метафорическая модель особенно частотна в профессиональном лингвистическом дискурсе, как в английском, так и в китайском языке. С помощью данной метафоры язык осмысливается как орудие или инструмент, который люди используют в своих целях. Анализ данной метафорической модели в рамках профессионального дискурса показал, что фокус внимания принадлежит в основном функциям этого инструмента, а также его структуре. В рамках художественного и электронного дискурса больше освещается аспект навыков и опыта человека в работе с языком. Наиболее часто эта метафора репрезентируется с помощью глагола use, а также с помощью имен существительных.

- Онтологическая метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE тоже регулярно встречается как в профессиональном, так и в художественном и электронном дискурсах. В данном случае язык осмысливается метафорически как некая субстанция. Особенно часто данная метафорическая модель встречается в профессиональном лингвистическом дискурсе в контексте изучения процесса освоения языка. Также эта модель встречается при описании механизма воздействия языков в случае языковой интеграции во время языковых контактов. Язык является объектом исследования ученых, поэтому в рамках профессионального типа дискурса рассматриваются различные его свойства. В непрофессиональных дискурсах язык осмысливается

метафорически как вещество, с которым люди сталкиваются в жизни – оно может быть опасным, чистым или грязным. Также возможно выделить более узкую метафору, существующую в английском и в китайском языках – LANGUAGE IS A LIQUID SUBSTANCE, поскольку некоторые метафорические словоупотребления указывают на то, что язык воспринимается как нечто жидкое. Метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE используется для репрезентации образов родного и иностранного языка. Основными языковыми средствами для репрезентации этой метафоры в английском языке являются имена прилагательные. В китайском языке эта метафора репрезентируется с помощью имен существительных, а также устойчивых фразеологических выражений.

- Метафора LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING была выделена только в английском языке, в большей части в рамках электронного дискурса. Язык метафорически осмысляется как предмет одежды, который может быть удобным, приемлемым или соответствующим ситуации. Кроме того, данная метафорическая связь показывает, что вербализация мыслей метафорически осмысляется как «облачение» идей в одежду. Данная метафорическая модель репрезентирует образ родного языка как предпочитаемого способа коммуникации. Наиболее часто эта метафора передается через имена прилагательные.

- Метафора LANGUAGE IS FOOD не была обнаружена в лингвистическом типе дискурса как в английском, так и в китайском языке. Однако она является постоянной для электронного и особенно для художественного дискурса. Метафора LANGUAGE IS FOOD показывает, что язык может быть осмыслен как некое блюдо, обладающее различными вкусами, от сладкого до горького. Из языковых средств, задействованных в репрезентации этой метафорической модели, можно выделить имена прилагательные и словосочетания из имен существительных в английском языке. В китайском языке эта метафора тоже репрезентируется с помощью

имен прилагательных. Наиболее часто эта метафора используется для представления образа родного языка.

- Метафора LANGUAGE IS A PERSON представлена в профессиональном дискурсе в меньшем количестве, но популярна в электронном и художественном дискурсе. Осмысление языка как человека позволяет говорить о его жизни и смерти, «насильственных» действиях против него. Также выделяются различные части «тела» языка: горло, спина, кровоток. В английском языке данная метафорическая модель репрезентируется с помощью таких лексических средств как имена прилагательные, а также с помощью различных глаголов. Метафорические качества языка также часто передаются с помощью имен существительных. В китайском языке эта метафора представляется с помощью прилагательных и словосочетаний из имен существительных. Наиболее часто эта метафора осуществляет репрезентацию образа родного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении общих и специальных закономерностей метафорического моделирования родного и иностранного языков в английском и китайском профессиональном лингвистическом, художественном и электронном типах дискурса.

В рамках анализа теоретического материала были изучены исторические предпосылки изучения концептуальной метафоры. Было установлено, что в современной лингвистике концептуальная метафора понимается как важный когнитивный механизм, который позволяет структурировать концепты по образу других концептов путем установления метафорической связи.

Существует три типа концептуальной метафоры – структурная, ориентационная и онтологическая. Структурные метафоры участвуют в концептуализации абстрактных понятий согласно структуре более специфичных концептов. Ориентационные метафоры позволяют структурировать систему концептов относительно другой системы и часто связаны с пространственной ориентацией. Онтологические метафоры основаны на понимании нашего абстрактного опыта в терминах материального мира, и тем самым позволяют нам рассматривать абстрактные концепты как осязаемые объекты.

Метафора существует в различных типах дискурса, она является повсеместной как в художественной, так в повседневной и даже в научной речи. В рамках нашего исследования были выбраны три типа дискурса: профессиональный лингвистический, художественный и электронный. Лингвистический дискурс является научным дискурсом, соответственно его цель заключается в выводе новых знаний о различных языковых явлениях. Художественный дискурс отличается тем, что направлен на воздействие в сторону читателя и его систему ценностей. Электронный дискурс является результатом способа коммуникации посредством сети Интернет для него

характерны анонимность, гипертекстуальность, дистантность, глобальность и виртуальность.

В результате анализа практического материала были выделены следующие метафорические модели, представляющие родной и иностранный языки в профессиональном лингвистическом, художественном и электронном дискурсах: LANGUAGE IS A TOOL, LANGUAGE IS A SUBSTANCE, LANGUAGE IS FOOD, LANGUAGE IS A PERSON. Также в английском языке была выделена метафорическая модель LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING, но такой же или похожей метафорической модели в китайском языке обнаружено не было.

Метафорическая модель LANGUAGE IS A TOOL является универсальной для всех исследуемых типов дискурса. Она участвует в репрезентации и родного, и иностранного языка. Как в английском, так и в китайском языке она позволяет представить язык как орудие или инструмент, которым люди пользуются для достижения желаемых целей. В рамках электронного и художественного типов дискурса метафора LANGUAGE IS A TOOL наиболее частотна при осмыслении способностей людей к использованию языка, а также опыта в обращении с языком. Для профессионального лингвистического дискурса характерна фокусировка функциях языка и его структуре.

Онтологическая метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE характерна для английского языка, хотя может быть вербализована и в китайском языке. Данная метафора позволяет рассматривать язык как некое вещество или материю, которую люди могут производить (*produce*, 产生) или взаимодействовать с ней. Осмысление языка согласно представлениям о физических свойствах вещества характерно для лингвистических материалов, посвященных темам изучения языковых контактов (*language contact*, *language diffusion*) и языковых изменений. Помимо этого, подобная тенденция характерна и для лингводидактики. В художественном и электронном типах дискурсах метафора LANGUAGE IS A SUBSTANCE

авторы материалов описывают характер взаимодействия человека и языка подобно тому, как человек взаимодействует с материальным веществом. Данная метафора может репрезентировать образы как родного, так и иностранного языков. Как в английском, так и в китайском языках можно выделить и метафорическую модель с более узкой сферой-источником – LANGUAGE IS A LIQUID SUBSTANCE.

Метафорические модели LANGUAGE IS FOOD, LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING и LANGUAGE IS A PERSON более продуктивны в художественном и электронном дискурсах и почти не встречаются в профессиональном дискурсе. Метафора LANGUAGE IS AN ITEM OF CLOTHING была выделена только в английском языке в рамках электронного типа дискурса, она представляет образ родного языка. Метафорически язык представляется как предмет одежды, который может быть удобен. Метафора LANGUAGE IS FOOD показывает, что о языке думают как о пище, которая может обладать различными вкусами. Данная метафора участвует в репрезентации родного языка. Метафора LANGUAGE IS A PERSON указывает на осмысление языка как живого человека, который может иметь свои чувства, волю, желания, и чаще используется для представления образа родного языка.

Результаты данного исследования могут быть полезны тем, кто изучает метафорические модели на материале английского и китайского языков, а также при разработке и чтении курса лекций по когнитивной лингвистике и лексикологии английского и китайского языков, а также на занятиях по методике преподавания иностранных языков.

Системный анализ метафорических моделей и специфики их языковой репрезентации возможен на материале различных языков, что может рассматриваться как перспектива дальнейших исследований. Кроме того, представляется перспективным выявление метафорических моделей доминантных для других типов дискурса как на материале английского и китайского, так и других языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные теории языка и стиля. Сборник под общ. ред. О. М. Фрейденберг. Ленинград: ОГИЗ, 1936. 340 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. М.: Мысль, 1983. 832 с.
3. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 295 с.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 576 с.
6. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2003. № 2. С. 73–94.
7. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
8. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): авторефер. дис ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2009. 39 с.
9. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37–65.
10. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
11. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ, пер. с английского. М.: Прогресс, 1989. 312.
12. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2003. 24. С. 5–12.

13. Галеева Н. Д. Параметры художественного текста и перевод: Монография. Тверь: ТвГУ, 1999. 155 с.
14. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т., 2001. 19 с.
15. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1958. 462 с.
16. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка: Учебник (на английском языке). Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 336 с.
17. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского: пер. с англ. М.: РИПОЛ классик, 2017. 608 с.
18. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения. Пермь: Вестник Пермского Университета, 2009. №2. С. 36–40.
19. Гусев С. С. Наука и метафора. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 152 с.
20. Джонсон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
21. Дятченко Е. А., Назарова Р. З. Особенности исследования явления прецедентности в художественном дискурсе // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты. Материалы III международной научно-практической конференции. 2018. С. 218–223.
22. Ермоленко Г. А. Метафора в языке философии: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. Краснодар, 2000. 180 с.
23. Журавлева Д. А. Лингвистический дискурс: к проблеме определения позиции в дискурсивной типологии // Вестник БГУ. 2010. №10. С. 59–62.

24. Зубкова О. С. Метафора в философской парадигме // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. [Электронный ресурс] 2010. №1 (13). URL: <https://tinyurl.com/yareygtw> (дата обращения: 08.01.2019).
25. Калмыкова В. В. Теоретико-литературные взгляды В. Я. Брюсова: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2007. 157 с.
26. Карасик В. И. Языковой круг, личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
27. Карташова А. В. Метафорическая модель и возможности ее реализации в научном тексте // Вестник ТГПУ. 2013. №3 (131). С. 153–156.
28. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: сб. под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
29. Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2012. С. 130–131.
30. Козлова Л. А. Метафора и метонимия: сходство и различия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №4. С.137–144.
31. Козлова Л. А. Национально-культурная специфика метафоры и способы ее манифестации в тексте // Филология и человек. № 1. 2015. С. 36–46.
32. Кутузов А. Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Челябинск, 2006. Ч.2. С. 306–311.
33. Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1985. 567 с.
34. Лотман Ю. С. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука, 2015. 704 с.
35. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре: Монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

36. Микешина Л. А. Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура. Москва, 2006. 445 с.
37. Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 34–52.
38. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
39. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т.1. М., 1979. 396 с.
40. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сб. под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
41. Падучева Е. В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 187–203.
42. Полозова И. В. Метафора как средство философского и научного познания: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. М.: РГБ, 2003. 346 с.
43. Реформатский А. А. Введение в языкознание: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Прогресс, 2003. 536 с.
44. Ричардс А. А. Философия риторики. // Теория метафоры: сб. под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
45. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры: сб. под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
46. Скляревская Г. Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. № 4. 2017. С. 9–17.
47. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.

48. Стернин И. А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? // Когнитивная семантика: Материалы 2-ой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 13-17.
49. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та. экономики и финансов, 2001. С. 11–22.
50. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.
51. Хоссейни Х. Тысяча сияющих солнц. Перевод с англ. С. Соколова. М., 2013. М.: Фантом Пресс, 2013. 265 с.
52. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения: 30.05.2020).
53. Cassirer E. Die Philosophie der Symbolischen Formen. Bd. 1–3. Berlin, 1923-1929.
54. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 284 p.
55. Dijk T. A. van. Cognitive Processing of Literary Discourse // Poetics Today. 1979. P. 143–159.
56. Herder J. G. Über den Ursprung der Sprache. Sämtliche Werke, Bd. 1–33. Hrsg. von B. Suphan. Berlin, 1877–1913, Bd. V. S. 53.
57. Kövecses Z. Conceptual metaphor theory: some criticisms and alternative proposals // Annual Review of Cognitive Linguistics. 6(1). 2008. P. 168–184.
58. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago and L.: The University of Chicago Press, 1987. 632 p.
59. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought. ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 350 p.

60. Laroche E. L'Imagination dans l'oeuvre de Jean-Jacques Rousseau. Thèse de doctorat, Université de Paris-Sorbonne. Paris-IV, 1999. 404 p.
61. Leech G. A Linguistic Guide to English Poetry. London: Longman, 1969. 216 p.
62. Lexico. English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexico.com/?search_filter=en_dictionary (Дата обращения: 14.06.2020).
63. Mayle P. French Lessons: Adventures with Knife, Fork, and Corkscrew. London: Knopf Doubleday, 2002. 240 p.
64. Müller M. Das Denken im Lichte der Sprache. Leipzig, 1888.
65. Ortony A. Metaphor, language and thought. // Metaphor and Thought. ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 350 p.
66. Ruiz de Mendoza Ibanez F. The role of mapping and domains in understanding metonymy. // Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective. ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 109–32.
67. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. University of Chicago Press, 1983. 272 p.
68. Ungerer F., Schmid H. Conceptual metaphors and metonymies // An introduction to cognitive linguistics. Pearson Education Limited, 2006. 384 p.
69. Wang D., Wang J., Xing M. Metaphorical Thinking in English and Chinese Languages // Asian Culture and History. 3. 2011. P. 9–12.
70. Yu N. The Contemporary Theory of Metaphor: A Perspective from Chinese. Philadelphia: John Benjamins, 1998. 278 p.
71. 大 БКРС. Китайско-русский словарь онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 30.05.2020).
72. 新华字典 – 汉语词典. 北京:商务印书馆, 2004. [Китайский словарь Синьхуа.]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge: MIT Press, 1995. 420 p.
2. Crystal D. The Story of English in 100 words. New York: St. Martin's Publishing Group, 2012. 288 p.
3. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Psychology Press, 2003 270 p.
4. Gee J. P. How to Do Discourse Analysis: A Toolkit. London: Routledge, 2014. 208 p.
5. Halliday M., Hasan. R. Cohesion in English. London: Routledge, 2014. 392 p.
6. Jackendoff R. Précis of Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution // BEHAVIORAL AND BRAIN SCIENCES. 2003. 26. P. 651–707.
7. Labov W. Principles of Linguistic Change. Hoboken: Wiley, 1994. 664 p.
8. Nation I. S. P. Learning Vocabulary in Another Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 477 p.
9. Yule G. The Study of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 273 p.
10. 周玉琨. 试谈同义词和近义词的区分 // 内蒙古大学学报(人文社会科学版), 2002. 第 34 卷. 第 5 期. 64–67 页. [Чжоу Юйкунь. О разграничении синонимов и близких по значению слов].
11. 杨润陆. 由比喻造词形成的语素义 // 中国语文, 2004. 第 6 期. 563–572 页. [Ян Жуньлу. О создание морфемных значений с помощью метафорических выражений].

12. 蒋绕华. 当代西方翻译理论的新发展 // 外国语言文学, 2003. 第 2 期. 41–46 页. [Цзян Юаньхуа. Новое развитие современных западных теорий перевода.].
13. 邓丽雯. 文学作品中的伴随语言手段对比分析. [Электронный ресурс]. 2018. URL: <http://cdmd.cnki.com.cn/Article/CDMD-10285-1018232038.htm> (дата обращения: 21.06.2020. [Дэн Ливен. Сравнительный анализ сопутствующих языковых средств в литературных произведениях]).
14. 苏章海. 对比语言学元语言系统的演变研究. 上海: 华东师范大学, 2014. 469 页. [Развитие метаязыковой системы в сравнительной лингвистике].
15. 张娜娜., 王 磊. 论俄罗斯三位翻译家的翻译语用学思想 // 山东电力高等专科学校学报, 2008. 3. 26–30 页. [Чжан Нана., Ван Лэй. К вопросу о прагматике перевода со стороны трех русских переводчиков].
16. 刘金保. 《红楼梦》中死亡委婉语翻译研究 // 安徽工业大学学报 (社会科学版), 2013. 第 30 卷. 第 3 期. 75–82 页. [Лю Цзиньбао. Перевод эвфемизмов, описывающих смерть на материале романа «Сон в красном тереме»].
17. 韩健. 功能语言理论框架下的中美《宪法》语篇对比分析及文化阐释. 上海: 上海外国语大学, 2013. 208 页. [Хань Цзянь. Сравнительный анализ китайской и американской конституции в рамках функциональной лингвистики].

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
 О.В. Магировская
«23» июня 2020 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ РОДНОГО И
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ЭЛЕКТРОННОМ
ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

45.04.02 Лингвистика

45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

В. И. Сафронова

Научный руководитель

канд. филол. наук, доц.
Е. С. Мучкина

Красноярск 2020